

детектив
мелодрама

Талина
РОМАНОВА

Призрак
другой женщины

Галина Владимировна Романова

Призрак другой женщины

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948105
Романова Г. В. Призрак другой женщины: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58550-2*

Аннотация

Катя спокойно жила в унаследованном от бабушки добротном деревенском доме и не собиралась ничего менять в своей жизни. Все произошло помимо ее воли. В один момент ее размеренное существование превращается в самый настоящий кошмар: успешный бизнесмен Астахов требует продать ее жилище за огромные деньги. Небольшой дом в сельской глуши не может стоить столько, да и не собирается Катя бросать бабушкино наследство. Астахов же намерен отобрать его у Катерины, причем неважно, каким способом. Но кто-то смешал все карты неудачливому покупателю – практически у ворот пресловутого дома обнаруживаются два выпотрошенных трупа охранников бизнесмена, неподалеку мертвое тело самого Астахова со следами пыток, а чуть дальше найден директор детского дома, нашпигованный пачками пятитысячных купюр... Да, в сомнительную историю впутала Катю умершая бабушка, которая, оказывается, ни много ни мало когда-то работала на зоне и охраняла матерых уголовников...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Призрак другой женщины

Глава 1

Ужасная полоса в ее и без того незадавшейся жизни началась двадцать девятого февраля. Ни днем раньше, ни днем позже.

Все логично, если задуматься. Високосный год. Двадцать девятое февраля как раз его и знаменует своим присутствием в календаре. Так что удивляться было смешно и глупо. А она все равно удивилась! Удивилась, вздрогнув от громкого стука в ворота. Удивилась, насторожилась и затихла.

Кого черт несет? Вопрос резонный, поскольку просто так, без предупреждения в гости к ней почти никто не ходил, все больше по делам. Тем более таким ранним утром – на часах было семь тридцать. Тем более в воскресенье. И что с того, что она поднялась в шесть утра, хотя было воскресенье? И что с того, что она сидела, не включая света, и пилилась в темный прямоугольник незанавешенного кухонного окна? Никого же на улице не касалось, что она вскочила ни свет ни заря и уселась у окошка? Нет. Никто же не знал, что ее всю ночь мучили какие-то кошмарные кошмары, и в горле поэтому пересохло, и она выпрыгнула потная из койки и помчалась в кухню попить? Нет, не знал.

А кто тогда к ней ломится?! Чего кому надо?!

Катя плотнее вжалась в старенькое трухлявое кресло, стоящее у самого подоконника – сколько она себя помнила, оно всегда там стояло. И настырно уставилась за окно.

Высокие добротные ворота, бей в них кулаками, ногами, башкой – выдержат. Хвала бабке, упокой, господи, ее злобную грешную душу. Она расстаралась, выстроила и дом большой и крепкий, и забором обнесла из неструганого бруса, и воротами сей забор увенчала такими, которые натиск разрозненных вражеских сил выдержат запросто.

Так что тому, кто сейчас молотил по воротам со стороны улицы, придется убраться восвояси. Катя не откроет. И из дома не выйдет даже для переговоров. Она останется сидеть в трухлявом креслице и станет наблюдать за медленным рассветом, жиденькой полоской забрезжившим на востоке. Окна кухни как раз выходили на него.

Грохот прекратился минут через десять. Катя приподнялась, откинула до конца шторку, потянула на себя форточку, прислушалась. Шагов за забором слышно не было, но доносились звуки какой-то возни. Чем-то кто-то громыхал, что-то подтаскивал и чертыхался до боли знакомым отвратительным голосом.

Витек! Ну конечно! Кого еще могло принести в воскресное утро в семь тридцать? Только его, сердешного, мающегося постоянным похмельем. Только он мог позволить себе беспокоить честных граждан, когда ему вздумается, руководствуясь при этом одним-единственным принципом: если ему плохо, то плохо должно быть всем.

Над кромкой двухметрового забора возник заячий треух. Потом исчез, потом снова появился, и уже через минуту Витькина одутловатая рожа легла подбородком на бревенчатый срез. Катя скорее угадала это, чем увидела, хотя темнота заметно рассеялась, проступив неясными силуэтами деревьев.

– Катька-аа! – заорал он. – Вставай! Вставай и ворота отопри, дело срочное!!!

Катя не двинулась с места.

Может, повезет и этот алкаш уберется? Может, подумает, что она спит? Что ее нет дома...

Хотя нет. Ее машинка – маленький, сизого цвета «Опель» – у дома. Ее он теперь точно углядел, повиснув на заборе. Значит, хозяйка дома. И спать она из-за такого шума продолжать не смеет. Чуткая потому что и к шуму, и... к человеческим слабостям. А он – Витька – слаб! Очень слаб перед пороком, которым одержим.

Вот угораздило ее угостить однажды этого алкаша бабкиной самогонкой! Расплатиться решила за перекопанный огород. Расплатилась! Он теперь через день к ней под окна шастает и похмелиться просит.

– Катька-ааа! – голосил между тем Витька, ерзая забывшим бритву подбородком по бревенчатому срезу. – Дело на сто долларов!!! Не вру, ей-богу!!! Спасибо скажешь мне потом, дура!!!

«Он не уйдет», – поняла она с тоской, когда Витьке удалось подтянуться и оседлать забор. Он станет орать, потом спрыгнет на землю, пройдет до крыльца и будет колотить заскорузлыми кулаками в дверь.

Катя вышла в коридор, щелкнула выключателем, надела бабкину меховую куртку, предназначенную для кратких визитов во двор. Обулась в ее же резиновые с меховой подкладкой сапоги и начала отпирать замки.

Замков было три. Все с секретом. Последний отпирался, если первые два были не заперты. Иначе никак.

– Мне замки эти лучший медвежатник города делал, – хвалилась бабка Кате. – И на дверях, и на ставнях. В жизни не влезть в дом! Если только его не взорвать!

Кому понадобилось бы взрывать бабкин дом, Катя не представляла. Как не представляла себе, зачем столько хитроумных запоров в доме старой и почти одинокой женщины. Что прятать-то было?

– О, о, о, понесла, голытьба проклятая! – взрывалась сразу бабка, стоило Кате запутаться в запорах и начать ворчать. – Сами ничего не нажили и чужое готовы просрать!

– А чего тут брать-то?! – изумлялась она, будучи ребенком. – Комод с кроватью?

– Не твоего скудного ума дело! – злилась бабка и подозрительно ощупывала маленькими глазками каждую стенку, каждый угол, будто бревна проверяла на невредимость. – Родители твои и того не нажили. Забыла, с чем ко мне пожаловала, а? Забыла?!

Нет, не забыла. Она всю жизнь будет помнить, как вернулась из пионерского лагеря домой с дорожной сумкой, а дома-то и нет. Вместо него – обгоревший двухэтажный остов с обуглившимися стропилами и кроватными скелетами. А вместо детской площадки – взрытая колесами пожарных машин грязь. И еще яркая желтая лента, опоясывающая весь двор. И люди, пытающиеся прорваться сквозь ограждение, мимо участкового, которого поставили в наряд на неделю караулить улики.

– Нет там ничего! – орал он, отпихивая погорельцев. – Все уничтожил огонь, разве вы не знаете?

Катя не знала. Она не знала, что уничтожил огонь в ее жизни, когда вылезала из автобуса, доставившего детей из пионерского лагеря. Как-то так вышло, что ей не успели сообщить – ну замотались, – что ее родители погибли в огне, и все ее вещи погибли в огне, и вся ее жизнь была погублена этим огнем. Не сообщили, раскручивая следствие и опрашивая свидетелей. Даже бабке не сообщили. Потом уже был звонок в ее город, потом, после Катиного возвращения. После ее страшной истерики в детской комнате милиции.

Бабке позвонили. Она примчалась тем же вечером на такси, хотя это стоило целое состояние, на Катин детский взгляд, да и на взгляд бывших соседей, шепчущихся за их спинами. Схватила Катю в охапку, сунула на заднее сиденье желтой машины с таксистскими шашечками, приказав не рыпаться. Подписала кучу каких-то документов в милиции. Через два часа они уже выезжали из города.

– А на похороны-то, Василиса Степановна, не останетесь? – сунулся было кто-то к ней из кучки провожающих их соседей. – Как же так-то? Сын ваш все же! Сноха... Девочке они мать с отцом.

Бабка глянула на тетку так, что та поспешила укрыться за чьими-то широченными плечами.

– Формальности соблюдены. Деньги на похороны оставлены, – объявила она кучке народа, сбившейся в плотное стадо у ступенек милиции. – Схоронят... Да, и еще... Сына своего я в этой обгоревшей чурке не узнала. Так мусорам и сказала. Может, и не он это вовсе? А сноху я и вовсе не знала.

– Но как же! – возмутился все тот же настырный голос. – Настя же сноха-то. Настя...

Видимо, припомнили бабкин единственный визит сюда, когда она устроила грандиозный скандал своему сыну, посмевавшему жениться против ее воли. Она недолго задержалась, но Настю – Катину мать – точно видела.

– Как же не знали-то? Настю-то?

– Не знала и знать не желала, – отрезала бабка, села в машину, толкнула таксиста в плечо. – Валим отсюда!

Так Катя оказалась в бабкином доме, который она построила за много лет до страшного пожара. Еще Катин отец тут жил подростком.

Дом был большим, двухэтажным, бревенчатым. С двухметровым бревенчатым же забором и добротными воротами, через которые, если их распахнуть пошире, запросто въезжали в их двор полностью груженные фуры.

Так Катя оказалась в бабкином доме с дорожной сумкой, в которой лежали две смены нижнего белья, две пары колготок, треники, юбка в складку, летнее платье и кеды. В отдельном кармашке – вафельное полотенце, мыльница, зубная щетка и использованный наполовину тюбик зубной пасты. Одета она в тот момент была в легкий сарафан, едва прикрывающий попу, и резиновые шлепанцы.

– И это все твое добро? – презрительно фыркнула бабка, высыпая из сумки Катины вещи на койку перед тем, как отправить все в мусорное ведро. – Негусто. Не особо баловали тебя родители.

Часто потом бабка перечисляла то, что в мусорку вышвырнула, ох часто! Катя поначалу обижалась, плакала, замыкалась в себе. Подолгу не выходила из своей маленькой спальни, которую бабка выделила ей на втором этаже. Потом она научилась терпеть скверный бабкин характер, ее безобразное воспитание и жаргон. А со временем даже привязалась к старой кряжистой женщине, хотя никогда бабушкой ее не называла.

– Василиса Степановна, можно мне?

– Василиса Степановна, так я схожу?

– А если я вот это возьму, то не буду вам должна, Василиса Степановна?

По этому поводу бабка никогда не роптала. Катя подозревала, что ей даже нравилось такое вот уважительное обращение. Это, как считала бабка, держит их на определенной дистанции и не позволяет сблизиться. А сблизаться и уж тем более привязываться к внучке она не хотела.

– Моей крови в тебе ни капли, – ворчала она, пристально рассматривая Катю время от времени. – Ничего от сына! Ни черточки! Настин корень, ее кровь...

Образ матери с годами из ее памяти начал стираться. Отца она вообще помнила смутно. И самое страшное было то, что не осталось на память ни единой фотографии. Все сгорело. Но раз бабка говорила, что она похожа на мать, значит, мать такой и была – высокой, полногрудой, голубоглазой, светловолосой и кудрявой. И часто, рассматривая себя в зеркале уже в большой комнате на первом этаже, куда ей позволено было переехать после ее семнадцатой

весны, Катя находила, что мать ее должна была быть очень привлекательной женщиной. И однажды она неосторожно это озвучила. На что бабка, презрительно фыркнув, изрекла:

– Что проку от этой красоты?! Сиськи да ноги! Да лупетки как плошки! И что?! Мозгов-то... Мозгов-то не было ни капли у мамыши твоей! И у тебя нет! Кобыла кобылой выросла!..

Катя не обижалась уже. Научилась за столько лет. Ну грубит, ну орет, ну сквернословит, в обиду-то не дает. И сама приглядывает за ее безопасностью, и людей каких-то просит, Катю часто до школы кто-то сопровождал кустами. Кормила, поила, обувала, одевала. Даже в институт послала.

– Без корочки институтской проку с тебя что с того кустарника, – кивала бывало бабка за окно на коржавый куст смородиновый. – Так, может, хоть на что-то сгодишься. Вот уродилась, прости господи, ни в поле взять, ни дома оставить.

– Я же хорошо учусь, Василиса Степанна, – возражала Катя, поднимая голову от учебников. – А вы обо мне как о дурочке.

– Дурочка и есть! – возражала бабка, замешивая тесто на пироги для знакомых дальнобойщиков, некоторым из которых она сдавала угол на ночь, а кормила почти всех, кто заезжал. – Умной была бы, давно уж...

– Что? – Глаза у Кати темнели, потому что она знала, что бабка сейчас заведет с ней разговор о замужестве.

Разговоры эти начались, когда она только школу заканчивала. Но протекало тогда еще все так, без напора. А стоило в институт поступить, так от бабки проходу не стало. Что ни день – то кандидатура на рассмотрение. Катя упрямылась, мотала головой, жмурила глаза, стискивала зубы. А бабка знай напирает.

– Давно бы уже детей нянчила, а то книжки только листать и можешь! – оборачивалась бабка на нее от громадной кастрюли с тестом.

– Успею с детьми, не беспокойтесь, Василиса Степанна.

– А чего мне о тебе беспокоиться-то! – рычала она, с силой опуская в тесто крепкие кулаки. – Я за дом беспокоюсь, за него! Ведь просрешь все, кобыла, просрешь...

– Нет, так не будет, – возражала Катя, дав себе слово уже давно, что останется жить в этом доме и после бабкиной смерти, если, конечно, переживет ее.

– Будет, ой, чует мое сердце, еще как будет! – Бабка на минуту приостанавливала кулачный бой с рыхлой опарой, оглядывала стены с тоской. – Не совладать тебе против них одной-то, Катька!

– Против кого?!

– Против мира этого говенного, девка. Сломают они тебя! Нельзя одной-то, нельзя. Вот три дня назад Макар приезжал...

– О! Боже!!!

– Ты zenки-то не закатывай! – орала на нее бабка, выкатывая огромный шар из теста на большущий стол, посыпанный мукой. – Ты слушай меня, слушай!.. Если я подохну... Если вдруг что со мной, кроме Макара и Митьки, никому больше не доверяй. Поняла?!

Такие разговоры Катя оставляла обычно без ответа. И не потому, что бабкино сватовство ей порядком надоело, а потому, что считала эту крупную кряжистую женщину, в свои семьдесят восемь лет с легкостью таскавшую по два ведра воды на огороде, вечной. Она должна была жить еще очень-очень долго. Даже врач, закрывший бабке глаза, так сказал. Если бы не тот несчастный случай...

Катя вышла из дома на ступеньки и глубоко вдохнула свежесть февральского утра. Пахло подмороженной водой, схватившейся за ночь ледяной коркой, свежей землей и железной дорогой, расположенной в пятистах метрах от их улицы. Хорошо пахло, привычно, по-

домашнему. Если бы не опухшая Витькина рожа, можно было бы считать, что начинающийся день задался. И все ночные кошмары – это свидетельство ее усталости, не более.

– Чего тебе? – Катя сурово сдвинула брови и сунула руки в карманы бабкиной куртки. – Самогонки не дам, предупреждаю сразу!

Витька встал как вкопанный, не добравшись до ступенек. Стянул с лысого черепа заячий треух, смял его в руках и оторопело заморгал, глядя на Катю.

– Понял, нет? Самогонки не дам!

– Матерь Божья... – Витька неистово и неправильно перекрестился, перепутав плечи. Взглянул на нее с обидой. – Как же ты на бабку-то свою похожа, Катька! Такая же злыдня! Утро только-только началось, а ты уже орать! Вылитая Васька! Та горлопанила...

– Эй! – Она вытащила руку из кармана. Пощелкала пальцами из стороны в сторону. – Ты ничего не перепутал, нет? Горлопанишь чуть свет ты! Времени знаешь сколько?!

– Восемь почти, магазин у железки открылся. – Витька задрал лысую башку и поскреб заросший кадык.

– Так и шел бы в магазин у железки, чего сюда приперся?

Катя чуть сбавила обороты. Сравнение с бабкиным нравом ей пришлось не по вкусу. И ведь Витька не первый за последние месяцы, кто говорит ей об этом. Был еще и соседский Лешка, и Макар, тот самый жених несостоявшийся, и Митька. Ото всех досталось, короче.

– В магазине у железки меня больше не кредитуют, – пожаловался Витька и присел на корточки, устав столбом торчать перед «здоровенной девкой», как он ее называл. – И новостей моих купить там нет желающих.

– А я должна? Должна, стало быть, купить твои новости? – фыркнула она и тряхнула головой. После тревожного сна волосы ее напоминали развороченный пук сена и лезли в глаза.

– Должна, дура, и купишь. – Витькин сизый рот поехал на сторону, он сплюнул. – Сто баксов, Катька, и ни центом меньше.

Минуту она рассматривала Витьку – закоренелого местного пропойцу, бездельника и побирушку. Сказать о нем доброго было почти нечего. Но одно сказать можно было точно – Витька не был вруном. Если он что-то говорил, когда был в состоянии через губу переплюнуть и выговорить, то это было правдой.

– Ладно... Черт с тобой, алкаш проклятый! – Она кивнула, повернулась на резиновых каблуках и направилась обратно к двери.

– Эй-эй-эй, Катька! Да погоди ты!!! – взвыл непрошенный ранний гость и рванул за ней следом, ухватил за рукав куртки. – Ну ладно, не надо денег, выпить налей, а? Нальешь, а?

– Иди за мной, чудовище! – скомандовала она и тихонько про себя посмеялась.

Если честно, она уже двинула в дом за деньгами, слишком уж заинтриговал ее Витька. Если так рано явился, посмел разбудить, да еще и интересничает, значит, новость стоящая. Но он не выдержал первым, и то ладно.

Она толкнула Витьку в кухню и прикрыла за ним дверь. Повесила бабкину куртку на крюк за кухонной дверью, стянула сапоги, швырнула их обратно в коридор, обулась в тапки. Нырнула в свою спальню и поверх длинной ночной сорочки надела толстый желтый халат.

– О, Катька, ты прямо как лимон! – оскалился Витька в ухмылке и плотоядно покосился на ее грудь. – Богатство-то у тебя какое там, Катюха! И чего бережешь? Для кого бережешь? Митька малый...

– Так! – Она с грохотом поставила на большущий, пригодный для хорошего полевого стана стол трехлитровую банку с самогонкой. – Заткнись лучше, если хочешь выжрать!

– О, о, о! Я и говорю, – вылитая бабка! Та тоже так сквернословила. А еще с высшим образованием, называется! Кто ты там получилась-то после учебы? Минджанер или инжа-

нер? – Витька заржал, с гулом сглатывая слюну. – Все равно хамишь, как неуч. Непорядок, Катерина!

Она со вздохом протянула ему граненый стакан, наполненный до половины. Не признать правоты его упреков в грубости Катерина не могла. С ней в последнее время и правда что-то творилось непонятное. Вот как бабка померла несколько месяцев назад, так и началось. Кошмары какие-то мучить начали, хоть спать не ложись. Шаги за спиной все время мерещились. Дом вдруг наполнился странными звуками. И, что самое странное, говорить и мыслить Катерина вдруг принялась как бабка ее покойная. Так же зло, дерзко и цинично. Может, дом пропитался бабкиным ядом настолько, что источает теперь на нее эти пары?

– Что за новость? – Она задвинула банку за спину, привалившись к столу бедром. – Больше не налью, пока не расскажешь.

– Понял, – кивнул Витька и пошарил глазами по полкам. – Нет в рот-то чего-нибудь закинуть?

– О господи! Дай воды попить, а то так жрать хочется, что и переночевать негде, так?!

Но все равно достала из огромного двухдверного холодильника пару холодных котлет и свежий огурец, отрезала хлеба. Витька смел с тарелки все, не успев присесть. Отдышался, рыгнул, как положено, извинительно прикрыв сизый рот ладонью. Потом сыто глянул на нее осоловевшими глазами и говорит:

– Сносить тебя собираются, Катька.

– Чего?! Чего?!

– Дом, говорю, сносить твой собираются. Новости из первых уст, поверь.

– А еще чей?

Она еще пока не осмыслила ничего до конца, просто решила внести уточнение.

– Больше пока ничей, говорят. Только твой.

– А что так? Больше ничей, а мой... Нет, тут какая-то лажа, Витек. Кто сказал? Когда? Давай, давай, колись, если хочешь, чтобы я налила тебе еще. Ну!

– Короче, слушай...

Оказывается, еще в пятницу к магазину на железнодорожной станции подъехал большой солидный дядя в большом солидном джипе. Зашел в окружении охранников в магазин, улыбнулся всем оглушительно.

– Бабы от его улыбки оглохли, короче, – пояснил Витька, заметив ее изумление.

Потом этот дядя достал какой-то план местности, разложил на прилавке.

– Позволили ему потому, что он перед этим половину товара скупил девкам для плана и премии, – снова внес пояснение гость.

Поводил холеным пальцем дядя по плану туда-сюда, потом ткнул в точку с номером Катькиного дома и начал наводить сведения о владельцах.

– Бабы ему и сказали, что хозяйку мертвой нашли на путях железнодорожных. Мол, упала и голову о рельс раскроила. А в доме ее внука живет. И все.

Большой дядя тут же обрадовался, сказал, что проблем, как он думает, никаких не будет, еще пошептался в управе с первым замом главы, а потом уехал.

– И в чем мои проблемы? – тут же спросила Катя, потому что Витька замолчал, снова плотноядно уставившись на ее бок, за которым пряталась банка с самогонкой. – Пока что ты мне ничего стоящего не сообщил, Витя.

– Погоди трюндеть-то, – вскинул он вверх заскорузлую растопыренную лапу. – Это еще не все новости. Но...

– Понятно. – Катя налила еще в стакан, швырнула на тарелку еще одну котлету. – Дальше!

– Бабы болтают, что первый зам главы весьма подробно поговорил с дядей. И завтра к тебе собирается наведаться с коммерческим предложением.

– Это каким?

– Предложат тебе переехать в квартиру в новостройке, большую хотят предложить, и какие-то деньги, сумма не уточнялась, – досадливо чмокнул языком Витек, дожевывая холодную котлету.

– А зачем мне это?

– Тебе незачем. А им что-то строить на этом месте приспичило.

– Ах, вон оно что! Снова дом мой покоя кому-то не дает!

Катя ядовито хмыкнула. Предложения о продаже дома начала поступать через неделю после бабкиной смерти. То один купец заявится, то второй, то посредника пришлют. Она всех футболила. Теперь вот решили снести. Только что можно построить на этом месте? Места-то немного! Дом действительно большой, но большой-то он потому, что два этажа в нем, еще чердак жилой и подпол, где бабка дальнобоям бильярдный стол установила. Огород – четыре сотки, с десяток плодовых деревьев, баня в дальнем углу, сарай с подполом. Всей земли той, на которой дом стоял с огородом, садиком и пристройками, было соток пятнадцать, максимум двадцать.

– Что можно построить на этом месте? Магазин? Нет. Гаражный кооператив – смешно! Кафе? Кто в него ходить будет, место почти необитаемо? Скажи, Витек?

– Ты права, Катька, места тут для строительства действительно – тьфу. И дорогу не проложить: с одной стороны железка, с другой – в завод заброшенный упрется. Он хоть и заброшенный, да принадлежит кому-то, сносить никто не даст. С востока – лесок, хоть и хиловат, да зеленые в морду вцепятся, они сейчас за каждый куст рвут на части, лишь бы о себе заявить. С запада – станция. Нет, дорогой тут не пахнет, как и магазином, и кафе, и прочей байдой.

– Чего тогда им надо?! Какие у тебя-то соображения, Вить?

Катя изумленно взирала на лысого алкаша, сидевшего теперь в согбенной позе на бабкиной табуретке с пустым граненым стаканом в руке. Такой трезвости мысли при такой пьяной роже она от него не ожидала. Хрыч ведь распоследний, пьяница, побирушка и бездельник, но как рассуждает...

– Думаю, что интерес весь в доме этом, Катька. – Витька постучал пяткой в стоптанном ботинке по полу. – Чем-то он кому-то понравился.

– Чем?

Катерина обвела взглядом бревенчатые стены, подняла голову к деревянному потолку, с которого свисала старинная медная люстра с шестью стеклянными плафонами в виде керосиновых ламп.

Дом был добротным, красивым даже, если кому нравятся такие вот деревянные двухэтажные терема с массивными ставнями на окнах и тяжелой дверью. Но чтобы в очередь стояли желающие его приобрести...

Нет, такого не ожидала ни она, ни бабка при жизни. Единственное, чего она опасалась, – так это того, что Катька дом профукает, наделав долги.

– Просрешь ведь, кобыла, – стенала она частенько, обходя дом комната за комнатой. – Я наживала, а ты все спустишь.

– Почему? – недоумевала внучка.

Она вроде не давала никогда повода старой женщине думать о себе как о транжирке или бесшабашной девице.

– Наделаешь долгов и просрешь.

– А долги-то с чего появятся?

– Так не проживешь без меня-то, Катька. Не справишься ты с жизнью. Она вон какая!

В этом месте бабка обычно подходила к окну, пялилась за стекло и широко разводила руки в разные стороны, будто весь мир пыталась объять.

– Какая? – не унималась Катька.

Она, конечно, привыкла к критике с бабкиной стороны и давно не реагировала. Но иногда не упускала случая, чтобы ее позлить.

– Какая она, жизнь?

– Мерзкая, – выдыхала бабка зловеще. – Она очень мерзкая, Катька, поверь!

– Жизнь такая, какой мы себе ее сами представляем. Мне вот лично она даже нравится.

– Еще бы! За моей-то спиной да на моей шее! – быстро седлала бабка следующего конька. – Ты же беззаботная совершенно! Беззаботная в родителей своих, место им светлое! У тебя же ни о чем голова не болит! Пялишься в книги свои и думаешь, что все познала! А она как шибанет из-за угла-то, да в спину, да больно очень!

– Кто?! – тарасила на нее Катерина глаза. – Кто шибанет?!

– Жизнь...

Шибануло, и очень сильно, Катерину, когда она узнала о бабкиной смерти. Нелепой, чудной и противоестественной. Ну не могла она поверить, что бабка – крепкая, коренастая, никогда не знающая хвори – вдруг оступилась на рельсах и о рельсы эти голову размозжила насмерть. Не верилось! А пришлось. Теперь вот очередной подвох, кажется, мерзкая жизнь ей готовит.

– И что они вообще сказали, торгаши эти? Что в Управе говорят? А в магазине? – Катерина выдернула из Витькиных пальцев стакан, немного туда плеснула, но отдавать не стала. – Ну!

– Да больше ничего особенного вроде. – Витька шлепнул пятерней себе по лысине. – Про снос дома сказал. Про денежную компенсацию сказал. Про новую квартиру в новостройке сказал. Что еще? Что еще... А, бабы магазинные болтали, будто дядя на джипе ясно им дал понять, что твои интересы, мол, никого не интересуют. Во как!

– Да ну!

Катя взглянула за окно. Там жиденьким пасмурным маревом плескалось последнее февральское утро.

– А в зубы они получить за такие идеи не желают?!

– В зубы!!! Ишь ты... От кого? От тебя, что ли?! – Витька выкатил на нее мутные глаза непонятного цвета, и сизые губы его снова поползли набок. – На ребят надеешься? Так они за спасибо не станут тебе помогать. Придется задом-то подвигать, Катерина.

То, что сказал лишнего, Витька понял, когда уже летел с крыльца мордой вперед. Пока она волокла его за шиворот через кухню и коридор, он все еще думал, что засиделся, что поить она его больше не желает и уж тем более – котлеты ему скормливать. Но, полетев в рыхлый грязный снег и получив в спину пару отчетливых непечатных выражений, он понял, что запретных тем у Катьки много. И одна из них – ее личная жизнь, вернее – полное ее отсутствие. Может, у нее что-то там не так в интимной сфере?

Витька встал со снега, отряхнул коленки, бока, вытер о штаны руки и покосился на Катьку, застывшую на крыльце в толстенном желтом халате. Чистый гренадер, ей-богу! Может, ее бабы больше интересуют? Может, мужики ей вообще по барабану? И, пока некоторые дураки на что-то надеются, она тихонько под юбками шарит?

Нет, вряд ли. Ее на втором курсе какой-то лох все время провожал до забора. Витька сам видел, как они целовались. Ну и, как положено, бабке настучал. Бабка выслушала, головой кивнула. Больше Витька этого лоха в их районе не видел никогда. А Катька потом месяц ходила с опущенной головой и зареванными глазами. Стала бы она реветь из-за парня какого-то, если бы бабы были ей по вкусу? Вряд ли.

Витька вышел за ворота и нарочно не стал их плотно закрывать. Не велика принцесса, прогуляется до забора, запрет. А он сейчас пойдет напрямик к Митьке, который сто процентов нальет ему за новости.

Шутка ли – Катьку выселять собрались! И насколько Витька понял, выселять ее придется силой. Вон она как вызверилась! Ни на какие уступки девка не пойдет и ни за какие деньги съезжать не станет. И могут тут быть проблемы как у самой девки, так и у парней, что к ней пожалуют. Их ведь встретят тут – однозначно! А кто встретит? Кто-то один из троицы воздыхателей. Либо Макар, либо Митька, либо Леха.

Макар сейчас в рейсе, до него не достучаться, квартира на замке. Номер телефона его мобильного есть, а звонить-то откуда? Леха не пустит, потому как презирает Витьку за пьянство и бродяжничество. А вот Митька будет рад новостям. Не в том смысле, что радоваться станет Катькиным неприятностям. А в том смысле, что обрадуется реальной возможности быть ей полезным.

К Митьке надо идти. Он нальет сто процентов.

Глава 2

– Мишин у нас где? – Начальник отдела поднял на присутствующих глаза поверх оправы очков, треснувшей пару недель назад прямо в районе левого надбровья.

– Мишин на выезде, товарищ полковник, – приподнял зад один из сотрудников, широко раскрыв глаза, пытаясь смотреть чисто, открыто и вежливо.

Этому их учил полковник – моральной чистоте, открытости и вежливости. Но учил применять это на практике, в жизни, в работе с людьми. Учил прививать эти качества в душу саму. Глаза-то при этом зачем таращить?! Их хоть таращь, хоть нет, если внутри ничего нет и не осело, то...

– Что там у него? – буркнул полковник и снова опустил взгляд в сводку.

Фамилия глазастого малого, как назло, выскочила из головы.

Что там у Мишина, он уже знал. Не знал пока подробностей.

– Там у него труп, – проговорил все тот же бестолковый малый. – Он на трупе, товарищ полковник.

– Ясно, что не на утреннике. – Полковник скривил полное лицо, болевшее от неаккуратного утреннего бритья, и тут же порез над губой начал кровоточить. – Кто и что? По одному слову мне из тебя вытягивать, что ли, Фролов?!

Слава богу, вспомнил фамилию бестолкового лейтенанта.

– Убийство в детском доме. Убит брат директора, вроде ножевое, подробностей пока не знаем.

– А брат директора что в детском доме делал? Жил, что ли?

– Жил, работал. – Фролов выпрямился наконец, стоять полусогнутым было неловко.

– Кем работал? Тоже директором? Ты долго будешь мямлить?!

Полковник мазнул рукой по губе, и на пальце остался след от крови.

Чертовщина какая! Сидит перед подчиненными, а у него морда в кровище. Красота! Чего весь изрезался, спрашивается?! Перенервничал? Нечего было нервничать, нечего. Дети и жены, они во всем мире одинаковые. Все чего-то хотят, все чего-то требуют. Орут, машут руками, ногами иногда топают. Зачем же морду-то в кровь резать!

– Подробностей не знаем, товарищ полковник. – Руки Фролова вытянулись по швам. Глаза выпучились пуще прежнего. – Знаем, что работал там, что был убит и что, возможно, произошла ошибка.

– То есть?! – Теперь уже и полковник вытаращился.

– Директор детского дома, когда позвонил, орал, что ошиблись, что убить хотели его, что брат погиб по ошибке.

– Похожи, что ли? – догадался полковник.

– Не могу знать!

– Ладно, садись, – махнул он раздраженно в сторону Фролова бумагами. – Продолжим...

И тут же подумал, что скорее бы уж Мишин возвращался. Он доложит как надо. И по делу, и соображения свои, и предположения, а может, уже и версию какую-нибудь отрабатывает по горячим следам. Он – молоток, Олег Мишин! Не зря полковник его переманил из спецназа. Сразу углядел, что из парня выйдет толк. Мало того, что у него мозги на месте и два и два сложить умеет. Наблюдательный до вьедливости. Интуицией Создатель не обидел. Не болтун, не прихвостень, ради звезды выслуживаться не станет. Хороший парень. Дочери бы его такого жениха. Ан нет! Ей скрипача подавай, дура!

– Что ты с этим скрипачом делать станешь через пару лет голодных? – спросил он ее сегодня, когда она сообщила о намечающейся помолвке. – На улицах будешь со шляпой народ обходить, пока он пиликает на своей скрипочке?

– Папа!!! – Дочь взвизгнула так, что рука у него задрожала, тогда-то он и полоснул по губе. – Как ты смеешь??? Эдик, он... Он талант!!!

– Где работает твой Эдик?

Ну простой же вопрос задал, не обидный. А она в слезы. И жена ей на помощь.

– Он пока нигде не работает, у него временные трудности, – квакала жена, звучно сморкаясь. – Ты бы мог ему помочь и...

Тут он порезался вторично. И тут же вспомнил про Олега Мишина. Уж он-то не стал бы просить будущего тестя через свою невесту о подобной помощи. Он бы сам шишки набивать стал, но добивался бы, добивался.

Скрипач, мать его!..

– Ни с кем говорить не стану, устраивать – тем более. В оркестр, что ли, его при министерстве совать?! – забухтел он и чесанул бритвой возле уха. – Все!

А теперь вот стыдно с чего-то стало и перед дочкой, и перед женой, и даже заочно перед Мишиным. Он-то при чем? Что он его постоянно к дочери своей примеряет? Спросил бы сперва: а она нужна ему, Мишину-то Олегу?! У него, поди, таких...

– Все свободны, – буркнул он.

Дождался, пока за последним подчиненным закроется дверь, и тут же полез в стол за зеркалом. Собственная физиономия ему не понравилась. Щеки в багровых прожилках, теперь вот еще и порезы добавились. Глаза мутные, злые. Губы скорбно поджаты. Недоволен, вечно он всем недоволен. Тяжело с ним, поди, близким. Может, и правда позвонить кому следует и попросить за будущего зятя? Отрекомендовать как «восходящую скрипичную звезду».

ТЬфу ты, черт! Даже язык не поворачивается и рука к телефону не тянется! Он – боевой в прошлом офицер, командир, можно так сказать, и такой конфуз с будущим родственником. О чем вот ему с ним за столом говорить?! О миноре с мажором?!

Дверь чуть приоткрылась, и Олег Мишин запоздало стукнул костяшкой о притолоку.

– Не вовремя, Иван Георгиевич?

– Входи, Олег, входи. – Морщинка на переносице сразу разгладилась, стоило полковнику увидеть своего любимчика. – Ну? Что там?

– Там – просто жуть, Иван Георгиевич! – мотнул густыми волосами Мишин. – Сколько работаю, чтобы такое... Просто живодерня!

– Ну, ну, подробности?

– Детский дом расположен в пригороде. Хороший дом, не бедствуют. Детишки нарядные, насколько я успел заметить. Изможденных и больных не видно.

– Могли и спрятать, – недоверчиво фыркнул полковник.

– Могли. Но вряд ли. Там такая суматоха... – Мишин скрестил на столе руки, глянул исподлобья на начальника. – Оплакивает женская половина персонала покойничка-то нашего. Святой, говорят, был человек.

– Да ну! И кто же тогда посмел его убить за святость? Ножевое?

– Да. Более того, парню вспороли брюхо, внутренности обнаружались полусъеденными в свинарнике. А живот... Живот набили деньгами. – Мишин передернулся, брезгливо сморщив симпатичное лицо. – Целыми пачками пятитысячных купюр.

– Да иди ты!!! – Полковник тяжело задышал, молниеносно представив, насколько резонансным может быть это убийство. – Настоящие? Деньги настоящие?

– Нет, кукла, конечно, да и верхние купюры грубая подделка. Но это... Это только все запутывает. Брат погибшего, директор который, бьется в истерике. Понять ничего не может. Сначала, когда про деньги еще не знал, все твердил, что это его хотели убить.

– А за что, не подсказал? – хмыкнул полковник.

– Сумбурно. Все норовил куда-то в детство свое безрадостное нас увести, про месть какую-то чушь нес. Как про деньги узнал, сразу замолчал и головой замотал. Нет, говорит, ничего не знаю и даже не догадываюсь.

– А как могли их перепутать-то, Олег? Похожи, что ли?

– Близнецы они, товарищ полковник. Братья-близнецы. Похожи невероятно. Просто один в директорах, второй в помощниках. У одного подбородок накрахмаленный воротник подпирает, на втором свитер растянутый. Директор холеный весь до кончиков пальцев. У погибшего брата ногти короткие, грязь под ними. Хотя... Хотя грязь могла появиться, когда он от убийцы отбивался.

– Будем надеяться, – кивнул полковник, но показал в угол на тумбочку с кофеваркой. – Не побалуемся?

– Можно, – понял просьбу Мишин, встал и захлопотал у кофейной машины, продолжая делиться соображениями. – На мой взгляд, Иван Георгиевич, перепутать их довольно сложно. Одеты по-разному, ухожены, повторюсь, опять же тоже. Директор – женат. Брат холост, это также отпечаток накладывает.

– Хм-м, ты вон тоже в холостяках, а молодцом! – похвалил полковник.

– У меня мама... Она молодец. Заботится, – улыбнулся Олег, подставил чашки, вдавил кнопку, по кабинету тут же поплыл аромат свежего кофе. – Так вот, слепым надо быть, чтобы ошибиться. И деньги эти... фальшивые... Все только путают. Убить могли, ладно, допускаю, из ревности, его там столько женщин оплакивают, жуть! Из-за чего же еще?! Он хорошим был человеком, никому не мешал, работал почти задарма. Брат, болтают, скуповат по части окладов.

– Может, не так уж был не прав братец-то, утверждая, что их перепутали?

– Может быть, может быть. Потом все отрицать стал.

– Ну, это понятно. Первый шок прошел. Тогда и деньги все объясняют. Жри, мол, ненасытный. Кстати, на какие средства существует так хорошо этот детский дом?

Полковник с наслаждением хлебнул кофе и зажмурился от удовольствия. Вот даже кофейная машина в руках этого малого ведет себя правильно. Почему-то у него самого так не получается. А Мишин подошел, и все как по волшебству: и напиток густой и ароматный, и пенка чудесная. Это тебе не скрипач какой-нибудь. Можно представить, что за кофе тот сварить сможет. Не кофе, блин, а сплошная рапсодия!

Почему-то слово это, неожиданно всплывшее из тайных глубин его памяти, ассоциировалось у полковника с пародией. Вряд ли это было так, но он сравнением вдруг остался доволен.

– А дом этот существует так отлично за счет собственного хозяйства – раз, за счет государственных дотаций – два, и за счет щедрых благотворителей – три.

– И что, прямо так ничего не воруют?

– Вот не знаю пока, Иван Георгиевич, – покаянно приложил руку к груди Мишин. – Но директор, когда немного отдышался, настойчиво предлагал мне взглянуть на финансовые документы. Утверждал, что все в полном порядке с отчетностью. Недавно, мол, только проверка прошла. Все копеечка в копеечку!

– Хм-мм, но почему полное брюхо денег?! Да еще фальшивых?! – Полковник с сожалением отставил в сторону опустевшую чашку, с Олегом он бы мог кофейничать часами. – Кто из братьев на чем прокололся? Тут явно финансовая подоплека.

– Думаю, да. Даже уверен! Совершить подобное... – Мишина снова передернуло, – мог либо сумасшедший, либо человек, которого очень, очень сильно уязвили.

– Точно! Прямо в точку, Олег! – Даже не выдержал, руку протянул над столом подчиненному. – Не обидели, а уязвили! Задели за живое, так сказать! То есть...

– То есть либо деньги эти у убийцы были украдены. Либо... Либо он был обманут. Неспроста же фальшивки... Хотя, хотя... – Мишин обхватил ладонями затылок. – Хотя настоящие в брюхо мертвецу совать глупо. Зачем они, так ведь? Я не стану пока заикаться на фальшивомонетчиках. Оставлю эту версию на потом. А пока...

– Ну? Какие у тебя пока соображения? – перебил его полковник и с неудовольствием покосился на мобильник.

От жены пришло сообщение. Спрашивала, не звонил ли он насчет Эдика.

Да что же такое??? Они что, в самом деле с дочкой считают, что он станет под их смычок маршировать или вальсировать?! Ну разговор сегодня дома состоится, ну разговор будет!

– Пока оставил ребят отрабатывать контакты обоих братьев. С кем дружили, с кем враждовали, где жили, на что, ну и так далее. Потом велел подробно изучить ксерокопии купюр, серийные номера и все такое, сделать запрос в банки города. Слабая надежда, но все же...

– Молодец! – не удержался снова от похвалы полковник и задержал свой взгляд на высоком сотручнике.

Почему его дочери такие бравые парни не нравятся? Почему она предпочитает тонкокостных длинноволосых хлыстов с глазами, «полными потаенного смысла»? Это она ему так сказала давеча, что Эдик ее полон смысла этого самого потаенного. Ну, ну! Намажешь, пожалуй, смысл этот на хлеб, да? И на себя наденешь? И в гости с ним под руку пойдешь? Ох он бы этому скрипачу безработному!..

– Все же меня что-то тревожит в этом убийстве, Иван Георгиевич, – поскучнел Олег, остановившись у двери и медля с уходом. – Что-то наталкивает меня на мысль, что... Что не только денежный интерес тут присутствует.

– А что? – Полковник тихонько ткнул пальцем в кнопку, отослав свое «хрен вашему скрипачу» на телефон жене.

– Что-то подсказывает мне, что не то, все не то. Как-то... Слишком уж. Как-то чрезвычайно... Ну, убил бы. Ну, зарезал. А так, чтобы внутренности все выворачивать! Мало того, тащить их свиньям! Что-то тут с мотивом заморочено. Этот гад будто хотел сказать...

– Жил свиньей, пускай тебя свиньи и жрут?

– Типа того.

– Но все в один голос утверждают, что парень был вполне приличным, или я не так понял?

Мобильник снова крикнул сообщением.

Жена ответила: «Ну и черт с тобой». И полковник немного повеселел. Когда она начала ругаться, то начинала трезво мыслить, переставала плакать, а потом с ним соглашалась. Глядишь, к его приходу со службы след скрипача растворится, не успев затвердеть, а?

– Все утверждают, что парень был приличный, о директоре так не говорят, как о его брате. Говорю: рыдает в голос больше половины женского персонала.

– А вторая половина что? Злорадствует? Вторая половина что, из отвергнутых?

– Не знаю пока. Но вторая половина более скупа на похвалы в адрес покойного. И более щедра на оценки в адрес директора. Считают его чрезвычайно порядочным, сердечным и отзывчивым.

– То есть мнения разделились?

– Не полярно, но да.

– Вот и давай, работай, Олег, разрабатывай эти мнения. А также купюры. Добудь мне об этих братьях все, что можешь. Включая историю, на которую намекал директор, пока еще не способен был обороняться от вас. Все, иди думай. А я работать стану.

Мишин вышел в коридор, свернул на лестницу и тут же замер у окна, выходящего в сквер. Там рычали снегоуборочные машины, сгребая с проезжей части грязную снеговую кашу.

В такой именно каше был найден сегодня рано утром за свинарником брат директора детского дома. В позе спящего он покоился на охапке соломы, прикрытый сверху своей же курткой. Нашедший его дворник не сразу понял, что случилось, и кинулся мужика будить. Куртка сползла и...

Дворника отпаивали потом на кухне чистейшим спиртом, но к приезду оперативников он продолжал заикаться. Переводила его невнятное заикание старшая по кухне, толстобокая Мария. Из ее степенной речи Мишин понял, что делать за свинарником помощнику директора было совершенно нечего, тем более – лежать в позе отдыхающего. Дворник изумился невероятно, поэтому и не было у него времени на осмысление. Иначе он бы не кинулся трясти лежащего за плечо.

Дальше Мария уточнила, что никого поблизости дворник не видел ни ночью (время, когда предположительно произошло убийство), ни под утро. С вечера брат директора, как и положено, уехал домой. Зачем вернулся? Никто не знает. Он никогда не возвращался до утра.

Никто ничего не видел, не слышал, не заметил. Как можно было так изуродовать тело, не привлекая ничьего внимания? Жертва, по предварительным заключениям эксперта, практически не сопротивлялась. На теле нет гематом и следов борьбы. Одежда, за исключением испортого свитера, почти в порядке. Даже пуговицы на куртке все на месте. А ткань-то хлипенькая. Могла бы порваться при малейшем усилии.

Вывод: не боролся. Почему?

– Шокер. Электрошокер, дорогой ты мой, Олежка, – заявил авторитетно ближе к вечеру эксперт Вова. – Парня просто ударили в шею за ухо адской силы разрядом, положили на место...

– Думаешь, прямо там же?

– А ты видел следы волочения на снегу? Нет, правильно. Тут два варианта: либо его на ручках туда принесли, уже вялого, что подразумевает адскую силу, либо там же за свинарником и подстерегли.

– Хочешь сказать, назначили ему за свинарником встречу?! – выкатил на Вову глаза Мишин.

– Это тебе решать, а я только предполагаю, Олежка. – Вова демонстративно отер чистые руки о белоснежные полы халата и протянул растопыренную пятерню Мишину. – Не побрезгуешь?

Олег пожал руку под «адское» Вовино хихиканье и пошел к выходу.

Что-то подобное он и предполагал. Клиент либо спал, либо был пьян в стельку. Либо его отключили. Убивали ножом его именно в бессознательном состоянии. Не было скрюченных рук и пальцев, как бывает при яростном сопротивлении, не было судорожно сведенных ног, как если бы он брыкался. Человек лежал, как будто спал. И над ним в бессознательном состоянии измывались. Его методично истыкали ножом, вспороли живот, освободили от внутренностей и набили туда фальшивых денег.

КТО и ЗАЧЕМ???

Психопат, решил он, усаживаясь в свою машину. Это мог быть только психопат. Человек, доведенный до крайнего отчаяния, не может получать удовольствия от мучений безвольной жертвы. Он действует спонтанно. А если и обдуманно, то не так витиевато. Что-то не так с этим убийцей. Что-то как-то не так...

Глава 3

– Чего надо?

В приоткрывшуюся щель Митькиной двери Витька увидел щелястый пол коридора, старомодную вешалку с гвоздями вместо крючков и одну-единственную Митькину куртку. Это радовало. Значит, гостей у него нет.

– Дело есть, Митяй, – шмыгнул носом Виктор и стянул с лысой башки заячий треух. – Такое дело!!!

– На пол-литра? – Заспанное Митькино лицо сморщилось в понимающей ухмылке, но он тут же потянул носом воздух. – Не пойму: вчерашнее или уже сегодня причастился, Витек?

– Сегодня, – кивнул тот и сделал ужасные глаза, припечатав треух к груди. – Не выпить не мог, поверь!

– Что так? – Митька широко зевнул, зябко дернул плечами, подтянул семейные трусы и отступил в глубь коридора. – Входи уже, чудовище. Не отстанешь ведь, раз пришел.

Витька зашел, огляделся.

Плохо было в Митькином доме. Очень плохо. И не оттого, что дом ветшал без хозяйки, что требовал ремонта и уборки хорошей. А оттого, что нехороший какой-то сквозняк тут гулял. Злой, опасный. Даже Виктору, привыкшему к постели под забором, было плохо в Митькином доме. Все время казалось, что кто-то наблюдает за ним из пыльных темных углов. Нехорошо наблюдает, алчно.

– Проходи в кухню. – Митька пнул босой ногой скрипучую дверь и вошел первым. – Сейчас посмотрю, что осталось.

В кухне было грязно. Пол давно не подметался, на столе – крошки, грязные тарелки и три стакана. Бутылки из-под пива и опустошенная банка селедки, в которой плавали лавровые листья.

– Гудели вчера? – догадался Витька и сел с краю стола. – Что за повод?

Митька глянул на него хмуро, сдернул со спинки стула рубашку, надел и тоже сел к столу. Смотреть, что осталось, он почему-то передумал. Виктор сразу занервничал.

– Тебе-то что, Витька? Гудели не гудели, с кем гудели, по какому поводу? Тебе-то что? – занудил Митька и сдвинул ладонями виски – голова трещала.

– А мне что! Что, между прочим! Пока ты тут с шалавами время проводишь... – Витькин заскорузлый палец ткнул в ободок одного из стаканов с ярким следом губной помады. – Хорошие девушки одиноки и нуждаются в твоей помощи, может быть.

– Да что ты? – Митька насмешливо прищурился, взъерошил белокурые волосы, потом пятерней зачесал их назад. – Это ты про Катку, что ли? Она, что ли, одинокая и в помощи нуждающаяся?

– А кто же!

– Ну-ну... – Митька помрачнел, оглядел загаженный стол и вдруг резким движением смахнул все, кроме селедочной банки с рассолом, со стола. – Нуждается она в моей помощи, как же! Я последний, у кого она ее попросит! Все нервы измотала!!!

Он посидел, подумал и вдруг встрепенулся.

– Слушай, Витек, а чего это ей помощь понадобилась?! Что случилось? И уж не она ли тебе налила с утра?

– Она-то налила... – Витек выразительно вздохнул и покосился на холодильник.

– Понял. – Митька сполз со стула, достал из холодильника бутылку пива и поставил перед Витькой. – Жри, ненасытный! Говори по делу и проваливай, башка трещит. Если новости стоящие, еще одну дам. Если нет – пинка получишь.

Виктор скрутил пробку, опорожнил бутылку прямо из горла до половины, отдышался и начал рассказывать. Дойдя до того места, откуда должны были последовать сведения о Катькиной реакции, он пиво допил. И только тогда уже дорассказал до конца. Немного приукрасил, конечно. Про то, что летел с ее крыльца, растопырив руки, Витька промолчал. Счел, что подобная информация для него, как для глашатая, не будет хорошей рекламой.

– Ишь ты! Дом снести собрались?! Чего это вдруг?! – Митька нервно заходил по кухне, половицы скрипели под его ногами отвратительно. – Как говоришь, дядя назвался?

– Анатолий Анохин, – вспомнил Витька надпись на визитке, которую дядя вручил одной из продавщиц.

– Анохин, Анохин... Гм-м... – Митька встал у окна, обхватив себя руками, и уставился на улицу невидящими глазами.

Витька оглядел парня с удивлением. Как можно в таком хлеву, с таким заплеванным полом, замусоренным пылью и окурками подоконником, давно не крашенными стенами, после вчерашней гульбы с попойкой, как можно было оставаться таким холеным красавцем?!

Митька, на Витькин взгляд, выигрывал у соперников на сто очков вперед.

Лешка, которого в числе претендентов иногда сватала Катьке ее настойчивая бабка, был невысоким, юрким, чернявым. Вроде и не отвратительным он был, но каким-то отталкивающим. То ли глазки его черные, мелко посаженные, слишком резво перебежали с предмета на предмет. То ли руки его с тонкими длинными пальцами, постоянно ощупывающими все, что им попадалось, неприятно удивляли. Но Витьке он абсолютно никак не нравился.

Катьке он его не желал.

Был еще Макар-дальнобойщик. Он был вроде ничего. Деньгу приличную зарабатывал. Собирался еще одну фуру покупать, плюс к двум имеющимся. Прочно стоял на ногах парень. Крепким был, мускулистым, лицо – мужественное, с перебитым носом и квадратным подбородком. Бабам такие нравятся. И Макар нравился, Витьке об этом было известно из многих первоисточников. Но...

Но и его Катьке Витька не желал.

Тяжеловесным Макар был и по сути своей, и внешне. Тяжеловесным и грубым. Катька, хотя и сама давно перестала быть Белоснежкой, но в ней как-то грубость не проявлялась, как-то не портила ее. Она все равно оставалась красивой девчонкой с гривой кудрей, заливистым смехом и озорными глазами. Даже при всем при том, что с лестницы его сегодня наладила мордой вперед.

А вот Митька...

Было что-то в этом стервеце непонятное и тревожащее. Какая-то очаровательная порочность, от которой даже у Витьки дух захватывало, хоть он мужик.

Митька был высоким, жилистым, с длинными крепкими ногами, властным взглядом и неподражаемой лукавой ухмылкой. Чем он занимался, на что жил и дальше жить собирается, никто не знал. Даже сам Витька, а он тут почти все и про всех знал. Знал вот, например, что юркий остроглазый Лешка потихоньку собирает денежки и потихоньку подсиживает своего руководителя строительной фирмы. То ли на его место метил, то ли свой бизнес собирался открывать – пока загадкой было. Но что Лешка думку какую-то пакостную думал, Витька знал доподлинно.

Митька – нет, тот был загадкой для всех. Появился в доме по соседству с Катькой, как из ниоткуда, как из подпола вылез, черт лукавый! Никто его тут прежде не видел. И родителей его тоже. Хотя этот дом, по словам Митяя, им и принадлежал. Но, на Витькин взгляд, дом этот уже сто два года стоял заколоченный, пока несколько лет назад в нем Митька не обосновался. Да, точно, так же вот в конце зимы Митька тут и появился. Приехал на старой, чихающей всем ржавым нутром машине. Тут же закатил вечеринку, напив всех соседей.

Потом тесно сошелся с Катькиной бабкой. Что их могло связывать, никто не знал. И даже не пытались догадки строить – бесполезное занятие. Но Митька и Василиса покойная были дружны. Макара она тоже охотно привечала, да и Леху, если разобраться. Но последнего недолюбливала.

Митька, Митька, Митяй, Дмитрий то бишь.

Кто он такой? Откуда? Почему живет в этом старом доме, рушащемся прямо на глазах? Ладно бы денег не было, а деньги-то есть, и немалые!

Про это Витька не знал точно, как про Леху, но догадывался. Откуда тогда тачка каждый год почти новая? Гулянки частые на какие шиши? Их не закатаешь, если в кармане, как вот у него, дырка. Одевается опять же по последней моде, пахнет от него дорого и приятно. И морду холит, болтали бабы, в салоне дорогом в самом центре города. На что, спрашивается?

Нет, денежки у него есть. Может, и хата дорогая где-нибудь в центре тоже имеется. А тут он так просто отирается, в халупе этой, для гульбы. Ну и еще, может, чтобы за Катькой приглядывать.

– Опиши мне его, – вдруг потребовал Митька, прервав долгую гнетущую паузу, в течение которой Витькин взгляд облизывал дверцу холодильника.

– Кого? – дернулся Витька всем телом и судорожно сглотнул.

Ему вот только что пригрезилась вожделенная пивная бутылка с запотевшими боками и легким дымком из горлышка. И еще Катькина котлетка, вкусная, с хрустящей корочкой. Хоть и холодная была, а все равно хрустела.

– Анохина, идиот! – Митька глянул на гостя с брезгливой гримасой. – Все мозги пропил, скотина! Анохина мне опиши. Рост, вес, возраст? Черный, пегий, седой? Ну!

– Так я, это, не видел его, Митя. – Витька обиженно шмыгнул носом.

Он, конечно, пьет, давно пьет, прочно и теперь уже, наверное, пожизненно будет пить, но мозги у него на месте, между прочим. И много на что он свой взгляд имеет и мнение особенное. И теперь его мнение было таким: опишет он крутого дядю, портрет которого сам знал со слов ошалевших от удачи продавщиц, только после второй бутылки пива. И ни минутой раньше.

– О господи! – простонал Митька, запрокинув далеко назад лохматую белокурую голову. – Каждое слово за бутылку! Надо же так опуститься, а...

Виктор оскорбился, но смолчал. Взял пиво из рук хозяина, выпил до половины, вытер рот ладонью.

– Чуть за тридцать ему, может, твой ровесник. Среднего роста, интересный, улыбочивый. Темный.

– Ниггер, что ли? – зло фыркнул Митька, и по тому, как сузились его ледяные глазищи, Витька понял: Анохина он знал.

– Да нет, славянин.

– Славянин! Ишь ты, слова-то мы какие знаем, – зашипел Митька и вдруг схватил его за шиворот и потащил к выходу. – Вали уже отсюда, весь дом мне провонял падалью, скотина.

Лететь вперед ему не пришлось, он увернулся, выдернув воротник из Митькиных пальцев. Если бы полетел, пиво бы пропало, разлилось бы. А это на сегодня все, что ему светило. Больше никто не нальет за новость: Макар в рейсе, а к Лехе скользкому он не пойдет.

Кто же такой этот Анохин? Почему так озверел Митька, услышав фамилию и описание внешности крутого дяди? Что-то тут не то! Что-то не так. Как узнать? Никак, наверное. А узнать бы надо! Новости нынче вон какие дорогие.

Витька любовно отер бутылочные бока, сделал скупой глоток и спрятал бутылку за пазуху. Надо визитку раздобыть, которую Анохин этот продавщицам оставил. Там что-нибудь да есть.

Глава 4

– На этом совещание объявляю законченным, – провозгласил Юра Стахов, нежно шлепнув по столу мягкими ладонями. – Все свободны, кроме... знаете кого.

Офисные сотрудники осторожно выкарабкались со своих мест, зная прекрасно, что генеральный терпеть не может громохання стульями по полу, и потянулись гуськом к дверям. За большим овальным столом остались двое, сидящие друг напротив друга по обе стороны от генерального: Анна Стахова – Юрина жена и соучредитель компании, и Толик Анохин – друг и также один из соучредителей. Они смотрели на Юру, не произнося ни слова. Оставил – значит, есть что сказать. Торопить его не в их правилах.

– Итак, ребята... Все вроде нормально. – Мягкие ладошки Юры снова опустились на стол.

– Почему вроде? – удивленно вскинула на мужа красивые карие глаза Анна. – Все нормально безо всяких вроде! Более того, все просто отлично! Я и думать не могла, что мы таких результатов добьемся! Чего ты, а, Юр?

Он скроил невеселую ухмылку, едва дернув толстыми яркими губами, и взглянул на друга.

– Ты тоже так думаешь, Толик?

– Я? – Анохин неуверенно шевельнул широкими плечами. – Да нет поводов для беспокойства. Все обязательства выполняются, деньги капаят и будут продолжать капать. Нет, поводов для беспокойства нет.

– Какие вы! – фыркнул со злостью Юра, уперся ладошками в край стола, оттолкнулся и откатился в кресле до самого окна, занимающего большую часть стены. Выглянул на улицу, снова сморщился и закончил-таки свою мысль. – Оптимисты...

– Повода для пессимизма я не вижу, – настырно возразила Анна и сузила глаза, значит, начинала злиться. – Если тебе хочется поныть, выбери для этого другое время. Нам с Толиком некогда.

– Ах, вам с Толиком! – ядовито поддел он и воздел ладошки вверх. – Все, тогда все, не смею задерживать! Можете быть свободны!

Он снова устался в окно, отвернув от них залившееся ярким румянцем пухлое лицо.

– Начинается... – Анна закатила глаза, резко встала, нарочно громко двинув стулом по полу, и бойко зацокала каблучками к двери. Там она притормозила и оглянулась на мужа. – Когда найдешь в себе силы справиться с желчью и ревностью, позвони. А вообще я на обед. Толик, ты как?

Толик вдавил голову в плечи, сделал ей страшные глаза, покосился на багровые уши друга.

– Нет, я чуть позже, Ань, нам с Юрой есть еще что обсудить.

– Ну, ну! Пошестери перед Юрой!

Жаль, дверью нельзя было хлопнуть – доводчик замечательный стоял, а то бы она шарахнула!

Друзья остались одни.

– Чего ты завелся, Юрец? – Толик осторожно выбрался из-за стола, нервировать Стахова не хотелось. Подошел к нему, дружески потрепал по плечу. – Ну! Что за причина?

Юрий вдруг плечо напряг, а потом и вовсе руку друга скинул, что было новым и непривычным.

– Ты дело, которое я тебе поручил, выполнил? – бесцветным голосом спросил Юра, все еще не поворачиваясь к Толику и продолжая таращиться в окно.

За окном, если честно, было на что взглянуть. Шикарный сквер с фонтаном, дорожками, аккуратно подстриженными деревьями и красивыми скамейками. Даже теперь, в самом начале марта, когда снег превратился в ледяную юшку, а голые ветки напоминали скрученный из черной проволоки шар, там было мило.

Но не настолько, чтобы глазеть туда не моргая.

– Так что с тем делом, которое я тебе поручил, Толя? – Юра сложил пальчики домиком, приблизил к лицу и запыхтел в них, как в дымоход. – Ты сделал, что я тебя просил?

– Ты про дом?

– Я про дом.

– А-а-а, так ты про дом! – Толик небрежно хмыкнул, попятился, опустился на край стола генерального. – А я думал, что ты про дом!

– Что с домом, Толя?! – резко повысил голос Стахов, крутнулся в кресле и устремил на него немигающий взгляд серо-голубых прозрачных глаз. – Ты говорил с хозяйкой? Предложил ей денег, альтернативное жилье? Что ты сделал по этому вопросу, Толя?!

– Ох, господи! Чего ты так кипятишься из-за этого дома, дружище? – Толик наклонился к нему, пытаясь снова дотянуться до плеча друга, но Стахов ловко увернулся. – Был в управе, говорил с замом главы. Толковый мужик, жадный до денег. Все сделает, сказал.

– С хозяйкой говорил?

– Нет.

– Почему? – Глаза Юры становились все прозрачнее и злее.

– Дом был на замке, – соврал Толик.

А что он должен был сказать ему?! Что решил не торопиться? Решил все сначала подробно разузнать, а потом уже лезть к хозяйке с предложениями, от которых, по мнению Стахова, она не должна была отказаться.

Вообще это глупая затея. Зачем Стахову этот дом?! Что в нем такого?! Ну, из бруса, ну, двухэтажный, что дальше-то?! У Юры самого дом за городом почти в тысячу квадратных метров и не этой развалюхе чета. Ладно бы место было козырным, опять же нет.

Толик нарочно сам поехал, не послав помощников. Потому что самому захотелось посмотреть, на что это позарился его друг и соучредитель по совместительству. Посмотрел. И ничего не понял. А не поняв, заволновался. Что-то затеял Стахов за его спиной. Что? Почему сейчас, когда они как раз начали набирать обороты и все пошло на редкость удачно? Анька, по ходу, тоже не в курсе.

– Надо было подождать, пока хозяйка вернется, – напирал Юра, покрасневший пуще прежнего, он мог быть румяным часа по три, если волноваться приходилось.

– Зачем? Я все передал заму главы Управы, он поговорит, – небрежно отозвался Анохин.

– А мне не надо, чтобы зам!!! – вдруг заверещал тонко и противно Юрка, оторвал от вращающегося кресла свой зад, наклонившись вперед. – Мне нужно, чтобы это сделал ты!!! И убери свою задницу с моего стола!!!

Что-то с Юркой происходило не то, решил Толик, спасаясь из его кабинета бегством. Может, кризис среднего возраста? Может, с Анькой какие проблемы? Как она его сегодня поддела насчет ревности, а! Никогда прежде так не делала. Наверное, что-то между ними не так. Оттого Юрец и чудит. Еще-то какая причина? Больше не может быть никакой. Детей у них нет, озадачивать некому. В бизнесе все тип-топ. Денег хватает.

– Толечка, подождите, – кинулась за ним следом из приемной секретарша Милочка. Догнала в коридоре, притиснула высокой грудью к стене, зашептала, зашептала. – Ну, когда?! Когда мы с вами снова увидимся, а?! Я не могу забыть... После той ночи, Толечка...

Странная дамочка, решил Толик, вырвавшись из цепких Милочкиных рук после того, как облапал ее и больно поцеловал в шею. Трахается с ним, зовет, не стесняясь никого, Толечкой, а вот на «ты» так и не перешла. Даже в самые пикантные минуты выкает.

Может, она на работе, когда кувыркается с ним в постели, а? Может, Юрец поручил ей его соблазнять и выведывать все самые страшные тайны?

Так нет у него никаких тайн. Почти нет. А что есть, разве он Милочке выболтает?

– Анька, ты где? – позвонил он из лифта Стаховой.

– В кафе, на углу, – ответила она со вздохом. – Ты освободился?

– Угу, уже лечу.

– Как там наш болезный? – спросила она про мужа. – Все еще упивается несуществующими обидами?

– Вроде бы... – И тут он решился, хотя запрет был. – Ань, ты не знаешь, зачем он замутил с покупкой бревенчатого дома в пригороде? – Толик назвал район. – Что за блажь такая?

– Дома??? Какого дома??? – ахнула Аня, значит, ничегошеньки не знала. – Что за фигня, а? На хрена ему какой-то деревянный дом, Толь? Да еще в таком районе? Он что, совсем свихнулся от депрессии своей?!

– А откуда депрессия? – Толик вырвался на улицу, едва успев вставить руки в рукава короткой кожаной куртки на меху, тут же свернул за угол, где была кафешка, полюбившаяся им с Анькой еще со времен студенчества. – Признавайся, на сторону начала бегать, коза?

– О господи, Анохин, я тебя умоляю! На какую сторону?! У меня одна сторона, ты знаешь – какая. Просто... Я в туалет иду, он за мной следит! Странно, что сейчас в кафе одну отпустил. Но и это не факт, может, где под окнами уже торчит с биноклем.

– О-о-о, как у вас все запущено.

Толик уже входил в кафе. Так же ловко, как надел, сбросил с себя куртку и, не отнимая от уха телефон, шагнул в обеденный зал. Аня сидела к нему спиной. Тонкая, изящная, высокая, с длинными, до поясницы, гладкими черными волосами. Господи, как же он любил ее когда-то! Мог часами смотреть, как она читает, пишет, спит. Правда, как она спит, ему довелось увидеть лишь однажды, когда...

Тс-сс, никаких подробностей. Мысли тоже могут быть подслушаны.

– Ну, что лопаем? – Толик не удержался и поцеловал ее в щеку, будто не виделись неделю.

– Супчик. – Аня двинула ложкой по почти опустевшей тарелке. – Грибной, рекомендую.

– Угу. – Толя открыл меню, хотя знал его практически наизусть и знал, что закажет. – Морские гребешки под белым соусом, кофе, салат...

Аня неодобрительно покосилась на его заострившиеся скулы, покачала головой.

– Съел бы картошечки-то, Анохин. Совсем, смотрю, дошел. И бифштекс с кровью. Заездил тебя Стахов, да? Ты только намекни, я ему глазки-то... Что за дом, Толь, я что-то не в теме?

– Дом? Дом как дом. Может, и добротный. Может, и на века. На купеческий похож. Забор высокий из бревен, как от медведей. Земли ни хрена вокруг ни за забором, ни перед ним. Я вообще не понял, зачем Юрке этот дом. Да еще на таких условиях!

– На каких? – вкрадчиво поинтересовалась Аня, откинула за спину длинные волосы, напряглась.

– Девицу планируется поселить в шикарной хате в новостройке. – Анохин назвал один из престижных районов. – И денег откатить.

– И это за дом-то купеческий??? – Аня осторожно отставила пустую тарелку, аккуратно положила ложку. Сложила руки, как школьница, и произнесла без выражения: – Козел!!!

– Кто?

– Стахов, конечно!

– Почему это вдруг?

Толик удивленно вскинул брови. Анна редко ругалась, еще реже называла плохими словами мужа. Могла ворчать, могла жаловаться, но оскорбляла крайне редко. Толик раза три и слышал за многолетнюю дружбу.

– Наверняка она – его блядь, вот он зад и рвет в клочья. – Анна хищно улыбнулась, показав Анохину безупречные зубы. – Слушай меня внимательно... Слушай и запоминай, Толик... Я должна знать про эту девку все! Должна иметь на нее полное досье, включая карту от стоматолога.

– Неужели ревнуешь, Анька? Ты?! Ревнуешь?! Стахову простительно, но тебе... – Он благодарно улыбнулся официантке, принесшей заказ. Постелил на коленки салфетку, снова взглянул на Анну. – Не могу поверить!

– И правильно, – покивала подруга, расплачиваясь по счету. – Никакой ревности, дружок. Ничего личного, только бизнес! Не забывай, что у нас с тобой равное количество акций. А у Юрки тридцать четыре. Я не позволю, чтобы в дело всей моей жизни совала свои копыта какая-то кобыла! Я... Я лучше удавлю этого мерзавца. Ну и ее вместе с ним. Все, пока, пока. Пойду навещу своего боровичка, может, он мне проболтается?

– Ань! Я тебе ничего не говорил!!! – обеспокоенно дернулся Толик, комкая на коленках салфетку. – Да и он не велел!!!

– Ах, вот даже как! – ухмыльнулась Аня, затягивая потуже поясок на платье. – Сюрприз мне готовит! Ну-ну...

В кабинет мужа через двадцать минут она вошла легкой походкой, улыбаясь и тихонько напевая что-то себе под нос.

– Ты так и не пообедал? – Аня обошла кресло мужа, встала у него за спиной, положила ему руки на плечи и принялась легонько массировать. – Юрик, ты чего такой напряженный? Что-то стряслось?

– Ничего.

Он недовольно повел шеей, и его длинные на затылке волосы скользнули по ее руке. Аня брезгливо сморщилась и еле сдержалась, чтобы не отдернуть пальцы. Впилась взглядом в его мощный загривок. Стиснула зубы.

Господи, какой же она была душой десять лет назад! Как могло ее так угораздить?! Рядом, постоянно рядом с ней был прекрасный, милый, красивый, веселый Толька Анохин, готовый за ней и в огонь, и в воду, и на край света. А она – идиотка неразборчивая – выбрала Юрку. Почему?! Только потому, что он был постарше их, прочнее стоял на ногах, имел уже какие-то деньги и квартиру в центре? Да ну? Вряд ли. Она тоже не была голодранкой, родители обеспечивали прилично. И к моменту окончания института обещали помочь с жильем. Почему она на шею Юрке-то кинулась?! Ухаживать умел? Так Толик тоже не обходил ее вниманием. Более того, хвостом за ней ходил.

Может, в этом причина и кроется? Слишком много его было рядом с ней, вот она и решила сменить окружение.

– Стахов, – тихо позвала мужа Анна, уловив, что мышцы у того заметно расслабились, спина согнулась и голова склонилась к левому плечу. – Что с тобой? Зачем ты сегодня тут цирк с несуществующими проблемами устроил?

– Не цирк, малышка. Совсем не цирк, – тихо обронил Юрец, прижал щекой ее ладонь к своему плечу, потеряв гладковыбритой кожей. – Просто... Просто наступил момент перемен.

– Каких? – Она замерла, тут же подумав о сопернице. – У тебя... У тебя что, кто-то есть?!

– Что ты мелешь, Анька?! – Юркино кресло с визгом развернулось, он прижался лицом к ее плоскому животу, обхватил за талию. – Мне никто, кроме тебя, не нужен. Никто!

– Тогда в чем дело? Какие, к черту, перемены?!

Она глядела на макушку мужа с намечающейся лысинкой и продолжала недоумевать. Как же это она могла предпочесть эти тусклые, бесцветные редкие волосы Толькиной шевелюре, жесткой, густой, упругой? Что за помрачение?

– Уточняю, малышка, мне... – Тут Юрка поднял на нее обожающий взгляд, облизнулся. – Никто, кроме тебя, не нужен. Никто, включая нашего с тобой Толечку. Понятно?

– Нет.

Аня сделала глупое лицо. Мысли панически заметались.

Что он о них знает?! И может ли вообще знать?! Они сами порой не догадываются и настолько привыкли играть дружеские отношения, что это им мешает в нужные моменты. Может, Юрка нанял детектива? Бесполезно! Аня круче Борна могла уйти от хвоста. Только в этом мастерстве превзошел ее, так что тут следи не следи – пустышка.

Что тогда имеет в виду этот толстый, вечно ноющий муж?!

– Повторяю, малышка. – С терпеливым вздохом Юрка начал вдруг гладить ее по ногам, сантиметр за сантиметром задирая на ней платье. – Мне никто, кроме тебя, не нужен: ни дети, мы это уже обсуждали, ни родственники, ни друзья. Причем не нужны мне все эти люди не только дома, в быту, на работе, но и... в бизнесе.

– Что ты говоришь? – ахнула она и неосторожно грубо оттолкнула его руки, добравшись до резинки чулок. – Толик тебе стал мешать в нашем общем деле?! Но... Но, по-моему, ему равных нет в бизнесе. У него превосходная интуиция, хватка будь здоров, и вообще, его деньги тоже в деле. И акций у нас с ним поровну. Как?! Как ты собираешься от него избавиться?!

– Чур-тебя, чур, малышка! – замахал на нее Юрка толстыми ладошками и фальшиво рассмеялся, но глаза, господи, глаза оставались ледяными и мерзкими. – И в мыслях не было, как ты изволила выразиться, избавляться! Просто... Просто надо дать ему понять, что он тут лишний, и выкупить у него его долю.

– Просто? Как у тебя все просто! Он... Да с нас троих это дело началось!!! Мы как один организм были, Юрка, ты забыл?!

– Не забыл, – прошипел он, толстые губы побелели, и он добавил уже совсем тихо, чтобы она не слышала: – Мы и сейчас с ним один организм.

– Как можно говорить об этом, не понимаю! Это же... Это же откровенное кидалово, Юр! Он отдал всего себя. Да и продолжает отдавать! И работает иногда больше тебя и меня, вместе взятых! И в кресле генерального директора ты сидишь лишь потому, что у тебя на одну акцию больше, Юра-аа! Опомнись!!! Всего одна акция против Толькиных! И ведь надо ж, какое время выбрал... Когда дела в гору стремительно полезли. Какая пакость, какая пакость мысли твои, Юра...

Аня нервно заходила по кабинету. Она сжимала и разжимала руки, взмахивала головой, откидывая волосы на спину, гневно сжимала губы, не особо заботясь, что поведение ее может быть подозрительным.

Она была шокирована!!!

Когда и что она просмотрела в этом толстяке?! Как не заметила его вероломства?! Ну, всякое случается и в жизни, и в бизнесе: скандалы, разборки, дележ. Но она всегда считала, что они трое – это команда умных цивилизованных людей, которые всегда смогут договориться так же цивилизованно и корректно.

А тут вот такие вот дела!

– У меня не одна акция против Толькиных, как ты изволила выразиться. – Юрка выполз из-за стола и медленно двинулся жене навстречу, не сводя глаз с ее ног, облепленных тонкой

тканью платья. – У меня еще твои акции, милая. Твои тридцать три, а вместе получается шестьдесят семь. Это солидный перевес в нашу пользу. Мы с тобой можем его задавить, милая. На раз-два-три задавить!

– Господи! Что он тебе сделал?! – Анна попятилась, уперлась икрами в край низкого дивана, не удержалась на высоких каблуках и рухнула на него.

– Он? Мне?! – Юрка раздвинул ноги, обхватывая своими коленками ее колени и больно стискивая. – Он мне сделал очень много, малышка! Очень много гадкого и плохого. Но тебе лучше об этом не знать. Ты у нас порядочная, воспитанная девочка, так ведь?

Юркины пальцы схватили ее подбородок и задрали вверх, заставив Аню смотреть в его ледяные, странно равнодушные глаза. Пальцы второй руки начали стягивать платье с ее плеч.

– Так ты порядочная у меня девочка или нет?! – Платье с треском, но поддавалось. – Ты ничего не скрываешь от папочки, нет?! Тебя не за что наказывать, а?

– Нет, нет, Юра. – Аня замотала головой, пытаясь отодвинуться, вырваться, вернуть на место платье, спущенное уже до пояса.

– Вот и умница. Хорошо, что ты послушная девочка. И все понимаешь. – Юрка взялся за свой ремень. – А то я могу сделать тебе больно, очень больно. И тебе, и ему.

– Юрка, что ты делаешь?! – заныла Аня, когда брюки мужа упали на его ботинки. Она зажмурилась. – Я не хочу!!! Не сейчас и не здесь!!! Да и Милочка может войти.

– Милочка умная девочка, – буркнул Стахов и накрыл жену своим тяжелым плотным телом.

Домой они возвращались врозь.

Юрий покинул офис, лишь когда машина жены вырулила со стоянки. Только тогда он вытащил из шкафа свой длинный плащ, в подоле которого частенько путался и злился, но продолжал носить, потому что у Толика был точно такой же. Он натянул плащ на полные плечи, странно дернулся, будто озяб, перед зеркалом. Осмотрел себя внимательно, остался недоволен тем, что снова набрал вес и пуговица плаща в области талии сильно натянулась. И пошел прочь из кабинета.

– Мне можно идти домой, Юрий Иванович? – Милочка нервно улыбалась, досадливо наблюдая за стрелками часов, показывающими начало десятого вечера.

– Да, да, доклад подготовила?

Доклад она не печатала, он видел свои черновики под ее левым локтем.

– Д-да, я начала. – Милочка прикусила нижнюю губу. – Мне недолго, вы же знаете. И я...

– Вот доделаешь, тогда можешь быть свободна, – отрезал Стахов и ушел.

Доклад ему завтра был совсем не нужен. Время терпело. И не день, и не два. Но Милочке нужно было дать понять, кто в доме хозяин. Она что, думает, если с Толькой спит, то и привилегиями будет пользоваться? А вот хрен тебе, дорогуша! Нравится спать с ним, ради бога!

Царапает, конечно, что ему отказала в самом начале своей карьеры, но он пережил. Решил, что так даже лучше. Милка – глупая корова – совершенно не умеет притворяться. О том, что она переспала с Толиком, узнал, кажется, даже ленивый на следующий же день. И вот что бы было, переспи он с ней, а Анька узнай?! Да катастрофа! Анька ревнивая и гордая. Она бы не потерпела, что он у нее под носом роман с секретаршей крутит.

Нет, так даже лучше. Пускай Анатолий развлекается... пока.

Да, мешает, очень он мешает ему теперь. Теперь, когда дела поперли в гору и прибыль зашкаливает, Анохин был как кость в горле. Анька, дура, возмущается. Называет мужа подлым, вероломным. А он же ведь и о ее будущем печется. Неблагодарная! Толика она пожалела.

Он, конечно, не собирается сливать его прямо сейчас. Но кое-что в планах у него имеется. Кое-что вполне подходящее, чтобы и от соучредителя отделаться, и замаранным не оказаться. Всему свое время.

А что касается Аньки...

Стахов вдруг встал как вкопанный возле своего джипа, взглянул жадным ощупывающим взглядом на здание офиса с темными квадратами окон и светящимся сквозь огромные стеклянные двери фойе. Стоянка, сквер возле здания. Все, все здесь должно и будет принадлежать ему! Он это заслужил! Ему это слишком тяжело далось, чтобы с кем-то делить, чтобы кому-то дарить.

Анька переживет! Даже если их и связывают куда более тесные отношения, чем дружба, он думает, что жена переживет гибель Анохина.

А по-другому как? По-другому невозможно! Анохин – он же настырный, он не отступится, если будет жив.

Звонок на мобильный вывел его из оцепенения.

– Да? – осторожно и тихо отозвался Стахов, мгновенно узнав абонента.

– Что да?! Что да?! Как наши дела, спрашиваю??? – грубо и резко потребовал у него ответа человек.

– Все идет своим чередом.

– Каким, к хренам собачьим, чередом?! Ты чего, меня за лоха держишь, толстый??? – Человек принялся кашлять и материться. И чем больше матерился, тем сильнее кашлял. – Тебе, паскуда, сколько времени было дано, а?! Неделя!!! Что за неделю сделано?!

– Многое. Многое, поверь мне!

Стахов старался говорить и оставаться спокойным, хотя тело его под длинным плащом мгновенно превратилось в поплывшее желе. Но не мог же он на глазах охранника, вышедшего покурить на улицу, трястись и сипеть! Это и в отношении звонившего было неверным тоном. Тот, моментально узрев его слабость, станет давить именно на это место.

– Меня многое не устраивает. Мне нужен конкретный результат. Она согласна?!

– Я с ней не говорил.

– А кто говорил? – То ли кашель вконец замучил звонившего, то ли уверенный, спокойный тон Стахова возымел свое действие, но обороты он поубавил. – Твой вертлявый дружок?

– И он не говорил.

– А что так?

– Пока ищем подходы.

– Пока ты будешь их искать, я сыграю в ящик, Юра, – пожаловался человек. – Время... Время не терпит. Его у меня просто нет! Завтра, Юра... Завтра ты едешь к ней сам. И сам с ней говоришь. Она не может не согласиться.

– Хорошо. Завтра... Сам... Я все понял... Пока.

Стахов привалился лбом к двери джипа, зажмурился. И тут же замотал головой со стоном.

Он не хотел!!! Он не хотел никуда завтра ехать! Не хотел говорить ни с какой девкой! Ему ни хрена не важен был никакой результат, черт побери!!! И времени у него было полно! Он не был болен, он ничего не терял и искать не собирался!!! Все, что он хотел на сегодня, на эту минуту, черт побери, – так это быть свободным от дружеских и компаньонских обязательств! Он просто хотел властвовать, ни с кем ничего не разделяя!

Ох Анохин, ох скотина! Ну почему ты не сделал ничего из того, о чем тебя просили?! Почему не встретился с этой девкой и не переговорил с ней?! Ему-то лично зачем там теперь светиться?! И Анька опять же проявляет ни с чего, казалось бы, беспокойство. После сегодняшней возни на его диване в кабинете вдруг начала задавать вопросы про посторонних баб. Наверняка эта падаль ей все рассказала. Наверняка. Она не просто вошла в его кабинет

сегодня после обеда, она влетела. Не смотрела на него, наблюдала. Не смотрела, рассматривала.

Переживает, наверное. Это хорошо. Это много лучше, чем тупое равнодушие, в которое Анька все чаще погружалась в последнее время. Может, ревнует? Не похоже на нее, а все же? Ну, хоть капельку, а? Хоть немного!

А за Тольку все равно начала заступаться. Из порядочности природной или из симпатии давней, а? Может, он поторопился, открыв ей все карты? Может, не надо было так с ней откровенничать? А как иначе?! У нее тоже акции есть, и он на них рассчитывает. К тому же она его жена, если что. Даже если она спит с Толькой, чего Стахов не допускал категорически, она остается женой именно ему.

Как же он запутался!!! Как устал!!! Да... Большие деньги – большие проблемы...

Глава 5

– Расскажите мне о вашем брате.

Олег сидел в кабинете директора детского дома на следующий день после убийства. Узнать хозяина кабинета во вчерашнем холеном дядечке в накрахмаленной рубашке и дорогом костюме было сегодня сложно. Дядечка сдал за одну ночь. По всему было видно, что он не спал, не ел и не приводил себя в порядок. Костюма на нем сегодня не было, был старенький джемпер домашней вязки поверх клетчатой рубашки. Вместо брюк с острыми стрелками – вельветовые джинсы. Белки глаз в красных прожилках, щеки не бриты, волосы причесаны кое-как, торчали странным кучерявым венчиком вокруг головы.

«Вот сегодня убийца запросто мог бы братьев перепутать, – вдруг подумал Мишин, внимательно рассматривая директора. Если бы еще пан директор пару часов поработал в мастерской и набил себе «трудовой» грязи под ногти, то все – сходство абсолютное».

– Что рассказать? – подал голос оставшийся в живых близнец.

– Все! Где родился, где крестился и учился, как жил, с кем жил. Мне важно узнать все из ваших уст, а не из уст его воздыхательниц.

– Ой, да какие воздыхательницы! О чем вы говорите?! – всплеснул руками директор. – Леша был одиноким, очень одиноким человеком. Я – вся его семья.

– А у вас жена, дети? Имеются?

– Да, у меня есть семья, – скромно, без подробностей ответил директор и потупил взгляд. – Очень хорошая, крепкая семья.

– Гм-мм... – Олег задумчиво осмотрел седую взлохмаченную макушку хозяина кабинета. – Вот вы сказали, что вы – это вся его семья. А с вашими близкими Алексей не был дружен?

Вопроса собеседник ждал и сразу съежился. Даже брови, кажется, съежились, встопорщившись седым ершиком.

– Он-то хотел, да они не очень его жаловали. Сначала его это задевало, оскорбляло даже. Потом он смирился. – Директор прерывисто вздохнул, обошел взглядом Мишина, уставившись в окно. – Мы с ним тут общались, домой я его не приглашал.

– А вы? Вы бывали у него?

– Да, почему же нет? – Он дернул плечами. – Леша жил в однокомнатной квартирке на окраине. Хорошо жил, не бедствовал. Кому-то это могло показаться скромным, даже чрезвычайно скромным, но Леша был доволен.

– Квартира его...

– Это я помог ему купить жилье, – перебил его директор. – Оформил на себя. Он так захотел сам.

– Почему?

– Ну... Я единственный его наследник...

– Он что же, чувствовал близкий конец?! – изумился Олег.

– Да нет, не знаю. – Собеседник поднял голову, взглянул на Олега затравленными, несчастными глазами. – Просто считал, что, если с ним что-то случится, все равно мне вступать в права наследства.хлопоты, затраты. Он считал, что я и так для него много сделал и... Одним словом, квартира оформлена на меня. Леша там был просто прописан, собственником не являлся.

«Одной заботой меньше», – тут же подумал Мишин, мысленно вычеркивая корыстный жилищный интерес из списка.

– Его странная... Его страшная гибель выбила меня из привычной колеи, понимаете? – Директор положил руки ладонями вниз на стол и принялся внимательно рассматривать свои пальцы. – Жили, жили, строили планы, и тут вдруг...

– А какие планы были у вашего брата?

– Ну, он хотел поколесить по миру. Нигде же не был!

– А вы?

– Я мир повидал.

– А что все это время делал ваш брат? Работал?

– Мой брат?

И снова Мишину показалось, что этого вопроса от него ждали.

– Мой брат, пока я трудился, зарабатывал, ездил по миру... Короче, он все это время сидел.

– В смысле, отбывал срок?!

Мишин чуть слюной не поперхнулся.

Вот работнички, а! Как они могли просмотреть дядю с уголовным стажем?! Его анкетные данные должны были пробить по картотеке. Почему нет?

– Отсидев последний срок, он взял фамилию матери. Паспорт был утерян, вот и... получилось. – Взгляд директора сделался невозможно наглым и хитрым.

Он помог! Мишин сразу понял. Помог, чтобы братца пристроить на работу в детское учреждение. С шикарным отсидочным прошлым еще вопрос, взяли бы. Сейчас многие конторы пробивают претендентов на вакансии через базу. Вот братец и сделал своему двойнику липовый паспорт, вот и не всплыла его уголовная фамилия. Потому и квартиру на себя оформил, чтобы потом заморочек не было с доказательством родства.

Молодец! Красавец! Что еще?

– По каким статьям сидел ваш брат? И сколько раз? Давайте, давайте, Андрей Егорович... – поторопил его Мишин, чуть не ляпнув: «Колитесь». – Не по одному же слову мне из вас тянуть!

– Он все время за что-то сидел, – скроил недовольную мину директор. – С шестнадцати лет!

– Ого! Рановато начал.

– Вот-вот! Могу ли я после этого осуждать свою семью за то, что они не хотят с ним общаться?! – Вопрос директор адресовал скорее себе. Сам же и ответил: – Не могу. Леша был неплохим человеком. Но... Каким-то слабым. Преступно слабым!

– И перед чем же он проявлял преступную слабость?

– Ой, да перед всем! Деньги, украшения, меха, женщины. Особенно одна! Я считаю, что из-за нее он и...

– Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста. – Олег даже записывать собрался.

Но директор замотал головой, заметив с огорчением, что женщина эта давно сгинула куда-то. И следа ее не нашел Алексей. Нашел бы, может, и судьба его сложилась иначе.

– Хотя... Хотя вряд ли!

– Почему?

– Она была гораздо старше его. Познакомились они в один из его сроков, когда он сидел. Она была контролером на той зоне. Вот у них и завязалось. Потом он вышел и решил совершить для любимой подвиг. И...

– И снова сел?

– Конечно! Причем надолго!

– И она не дождалась?

– А она собиралась? Мне кажется, ей и о подвиге его ничего известно не было.

– А летопись его геройства имеется?

– Вот хотите – верьте, хотите – нет, ничего не знаю.

Директор прижал обе руки к груди, но Мишин захотел, а не поверил. Надо будет переговорить с его семьей, решил он. Если семья так яростно не принимала родственника, то вполне могла бы озвучить причины.

– Итак... – Олег оперся о стол локтями, взглянул с тоской на директора. – Ваш брат всю свою сознательную жизнь провел в местах не столь отдаленных?

– Да, почти.

– Когда вдруг решил переехать сюда, к вам, вас это не удивило? Вы ведь родом не отсюда, так?

– А чему удивляться? Я – единственный его родственник. Он попросился, я не отказал. Все закономерно. Дело к старости, да и не ждал его нигде никто. А я с жильем, с работой помог.

Да, все закономерно, покивал Мишин. Если только не брать в расчет, что с появлением в городе братца с такой «героической» биографией у человека уважаемого могли возникнуть проблемы. Они и возникли! Пришлось же братцу документик выправить на другую фамилию, пришлось. А там, если поковыряться, можно и еще что-нибудь найти.

– Как думаете, мог убить вашего брата кто-то из его прошлых приятелей или подельников? – спросил Мишин, решив для себя, что именно этой версии стоит придерживаться.

– Не знаю! – Андрей Егорович опасливо вжал голову в плечи и судорожно сглотнул. – Не думаю... Леша ни с кем не общался из своей прошлой жизни.

– Вы уверены?

– Уверенным до конца нельзя быть даже в себе самом, – раздраженно отозвался Быков. – Я же не двадцать четыре часа в сутки с ним проводил, так? Уезжал домой, на отдых. Леша, он, да, почти все время в городе оставался. А я нет. Мог я при таком раскладе его полностью контролировать? Нет!

– А кто мог? У него был роман с кем-нибудь из вашего персонала, вне работы? Отношения с женщинами вообще как? – вспомнился Мишину хоровой плач сотрудниц детского дома по усопшему.

– Я не знаю, – соврал директор, тут же понял, что ложь его неубедительна и поспешна, и поправился: – Не уверен. Дома точно жил один. Но он, к слову, редко там бывал. Все больше здесь. У него в мастерской конурка была с лежанкой и шкафом. Он часто на ночь там оставался. Может, кто из персонала туда и наведывался, я...

– Кто? – перебил его Мишин, поняв, что директор снова собрался врать. – Давайте, Андрей Егорович, будем откровенны, а? Мы же сейчас без протокола, по-человечески. Нехорошо будет, если я узнаю что-то от персонала. И персонал этот будет в недоумении по поводу вашего вранья.

– Катя...

– Какая Катя? Фамилия, возраст, должность. Что я из вас по слову-то тащу, а?! – взорвался Олег и швырнул со злостью карандаш на стол. – А если этот «кто-то» в самом деле шел за вами? Если он еще вернется и исправит свою ошибку!

– Что?! Что вы имеете в виду??? – Директорская шея, спрятанная в воротник джемпера, резко вытянулась, глаза округлились. – Вы думаете, что это приходили по мою душу???

– Не могу знать, – равнодушно пожал плечами Мишин и так же равнодушно посмотрел в полыхавшие ужасом директорские глаза. – Расследование только началось. Кто знает, что за сюрпризы нас ожидают. Вы сотрудничать со следствием категорически не желаете, так что...

Андрей Егорович сполз со стула, постоял, сгорбившись, возле стола. Потом заходил по кабинету неуверенной, шатающейся походкой.

– Катя... Катя Яровая. Воспитательница. Она одинокая, совершенно одинокая женщина. Она очень хорошая и добрая, вот Лешка к ней и потянулся.

– У них были отношения? – Мишин немного повеселел – хоть что-то удалось записать, а то все вхолостую. – Как давно? Где они встречались? Она была замужем, был ли у нее прежде кто-то?

– У них был роман. – Андрей Егорович встал у окна спиной к Мишину, оперся виском о косяк. – Давно начался... Лет пять точно. Встречались здесь. Ни она, ни он не хотели тащить друг друга на свою территорию. Что за табу – не знаю. Сами у нее спросите. О ее прежних связях сказать точно не могу. Но, кажется, замужем она никогда не была. Ухажеров не знаю. Не знакомила. Думаете, ее кто-то приревновал?

– Разберемся.

– Это пустое. – Быков вяло мотнул рукой. – Катя... Она хорошая, конечно, но не из тех, за кого мужчины бьются насмерть. За пять лет их романа, я не слышал ни одной неприятной истории. Все тихо, чинно, чисто.

Ага! Под носом у воспитанников роман крутить с бывшим зэком – это очень чисто! В каморке за мастерской на продавленном матрасе – очень нравственно!

– Понятно. – Мишин захлопнул блокнот. – Больше никаких связей, его порочащих, не было?

– Нет, насколько я знаю, нет. Леша жил тихо и спокойно. Он, знаете, просто упивался душевным комфортом, тишиной. – Директор повернулся к Быкову, моргнул заслезившимися глазами. – Он ничего не хотел больше того, что имеет. Ничего! Я все время думаю про эти деньги у него внутри... Это словно Лешу упрекнули в алчности, понимаете? Мол, жри, или что-то в этом духе! Эти деньги... Они Лешке не были нужны. Он жил на зарплату, и ему вполне хватало. Даже ребятишкам подарки к их праздникам каким-нибудь делал. Я ничего не понимаю, ничего. Хотя думаю об этих деньгах постоянно.

Мишин тоже про них думал, про фальшивки эти чертовы. Только вот актом возмездия за алчность этот убийственный жест ему не казался. Потому как он знал, что деньги, мало того что были фальшивками, скопированы были с грубой подделки, скорее всего с дешевой закладки, продающейся в киоске сувениров. Не существовало купюр с такими сериями и номерами.

Вывод? Вывод у него пока был один – Алексея Быкова наказали за обман. Грандиозный, убийственный обман. Но когда, где и как обманул Быков, а главное – кого?! Нет, кого, понятно – убийцу как раз и обманул. Наемник с потрохами так извращаться не станет. Нет, тут лицо обиженное, уязвленное трудилося. Отыскать бы его, пока оно еще каких-нибудь своих обидчиков не нашло.

Глава 6

– Катерина, зайдите ко мне.

Начальница обогнула ее рабочее место по непривычной траектории, даже за кудрявый хвостик не тронула, а иногда позволяла. Более того, дошла до двери, обернулась, взглянула на Катю строго и добавила:

– Немедленно.

Она немедленно следом за ней и вошла. Встала у двери, посмотрела на Маргариту, выглядевшую непривычно озадаченно и отстраненно.

– Ага, вот, – фальшиво обрадовалась Маргарита, выдергивая из принтера чистый лист бумаги. – Садись, пиши.

Катя села, пододвинула лист бумаги, авторучку, приготовилась писать под диктовку.

Маргарита мешкала, все время таращась в окно. А там ничего нет, кроме сизого неба и провисших проводов соседствующего промышленного предприятия. Что-то затевалось, а вот что?

– Что писать, Маргарита Сергеевна? – позволила себе спросить Катя, просидев с ручкой на изготовку минут пять.

– Заявление, что еще-то, – воскликнула начальница и вздохнула, глянув на Катю впервые с сочувствием. – Ну? Во что хоть влипла-то? Не дала, что ли, кому?

– В смысле? – Катерина покраснела.

– Сам вызвал с утра и велел тебя уволить в спешном порядке. Кто-то его попросил об одолжении, – скороговоркой прошептала Маргарита, перегнувшись через стол к Каткиному уху. – Я глаза вытаращила и с вопросами. А он – убери с глаз, и все! Так что, сама понимаешь...

– Понимаю.

Катя закусил губу, тут же вспомнив про воскресный визит алкаша Виктора поутру. Но сегодня только вторник. Она еще и ответа никому дать не успела. Кто так торопится?

– Страхуются, милая, – вздохнула Маргарита, выслушав ее рассказ. – Чтобы ты выкобениваться не стала с отказом. И кому он нужен-то, дом твой?! Да и место сомнительной ценности. Странно... Может, конкретно тебя кто прессинговать собрался? Кому ты дорогу перешла, признавайся? Не дала кому-то из важных персон?

– Никто и не просил, – буркнула Катя, заполнив шапку заявления. – С какого числа увольняться?

– Что? – Маргарита снова успела уставиться в сизое небо за окном и успела отвлечься.

– С какого числа увольняться, Маргарита Сергеевна?

– Ты это... – Взгляд начальницы заметался между провисшими проводами. – Пиши пока на отпуск, а?

– Так отгуляла я, когда бабку хоронила.

– Да? – Маргарита прикусила губу, да, видно, больно, поморщилась, потрогала ее пальчиком. – Пиши за свой счет. На пару месяцев напиши, может, разгулишь к тому времени.

– А Сам?

– Его я возьму на себя. – Маргарита приподняла ладонями высокую грудь, колыхнула. – У меня к нему есть пути-дороги. Пиши за свой счет на два месяца, и точка. Деньги-то есть, красotka?

– Есть, – кивнула Катерина.

Деньги ей привычно оставляли водители, которых бабка поила, кормила и ночевать оставляла. Катерина, конечно, такой сервис им не обеспечивала, ночевать не пускала, но

обедами время от времени угощала и термосы с кофе и чаем готовила. Придется ставить это дело на поток, если, конечно, ее не выселят из дома за пару недель, а то и дней.

Чего прицепились, интересно? Может, правда там строительство решили замутить, как Маргарита изволила выразиться? А начать выселение решили с нее, как со слабого звена. А остальным потом кивать в ее сторону, как на пример.

Маргарита женщина умная и чрезвычайная мудрая, она пятерых генеральных ухитрилась пересидеть в своем кресле. Уж чем она их брала: тактикой или тем, что за пазухой, – неизвестно. Но ценили ее буквально все. Катерина не была исключением.

Через полчаса она уже выгружалась с покупками из машины у своего крыльца. У забора привычно крутился Витька.

– Наливать не буду, – предупредила она, только отпирая ворота. – Можешь не маячить.

– А чего это ты не на работе? – тут же пристал он и потрусил следом за ее машинкой во двор. – Катька, чего не на работе-то?

– Уволили, – буркнула она нелюбезно и стала выгружать пакеты из багажника. – Помогай вот лучше. Снова придется дальнобоев кормить, а что делать?

– Уволили?! – ахнул Витька и застыл столбом возле открытого багажника. – Я так и знал!

– Что ты знал? – Она швырнула ему в руки пакет с картошкой, луком и капустой. – Тащи в кухню.

– Я так и знал, Катя, что они с тебя, с живой, не слезут! – брякнул он, тут же понял, что брякнул что-то не то и что можно запросто снова с крыльца носом вперед полететь, и поправился. – В смысле не мытьем, так катаньем. Значит, уже на работу твою пробрались. Оно и понятно: ребята с фирмы «ЮСТАС», весьма крутые.

– Что за фирма?

Удивляться Витькиным соображениям и рассуждениям, которые еще до вчерашнего утра считала давно пропитыми и примитивными, она не стала. Не всегда же он был пьянью и идиотом. Болтали, что когда-то он даже историю в школе преподавал. Может, остатки разума сейчас как раз и работают?

– Фирма «ЮСТАС». Солидная фирма, лет десять уже существует.

– Чем занимается?

– Ой, да чем они все сейчас занимаются-то?! Там купил, там продал, туда вложил, там поимел. Короче, производства никакого, одни денежные потоки туда-сюда. Но все солидно, авторитетно.

Витька с пыхтением опустил тяжелые пакеты на пол, полез в карман старого засаленного ватника, вытащил оттуда визитку, которую пришлось кланяться у продавщицы и за которую пришлось пообещать вскопать грядки под рассаду.

– Три учредителя, – прочитал на обратной стороне визитки Витька. – Юрий Стахов, Анатолий Анохин, Анна Стахова. Просекаешь, что из заглавных букв их имен название?

– Дальше что?

– Стаховы – муж и жена. Анохин их друг. Давний друг. Он как раз и приезжал, и в магазине все скупил, и с замом главы Управы разговоры говорил. Так вот...

Витька запнулся на полуслове, уставившись в распахнутый холодильник. Три непочатые бутылки водки стояли рядом этикетками внутрь. Хорошенькие такие, полненькие. И тарелка с нарезанной колбасой и сыром стояла уже наготове. Видимо, Катерина и впрямь собиралась возродить бабкино ремесло, ждала кого-то уже сегодня.

– Даже и не думай, – перехватила Катерина Витькин взгляд и холодильник резко захлопнула. – Что запнулся? Продолжай!

– А что продолжать-то? Я мало пока знаю. Так, только то, что удалось из Интернета скачать.

– Из какого Интернета?! – опешила Катерина: сколько себя помнила, столько помнила Витьку бездомным. – Ты... Откуда он у тебя? Брешь, гад?! Стакан зарабатываешь?

– Да нет. Не вру. – Он благодушно улыбнулся, заметив, что девушка начала хлопотно собирать ему на стол поесть. Хоть что-то. – Посетил вчера всех твоих воздыхателей безнадежных. С утра-то только у Митьки побывал. А потом, ближе к вечеру, решил всех оповестить. У Лешки задержался. Влезли с ним в компьютер, нашли эту фирму. Информации не очень много, но вся хвalebная. А понять толком ничего нельзя.

– Мне их бизнес неинтересен. Люди... Что за люди?

– Про людей я тебе уже все сказал: муж с женой Стаховы и их друг – симпатяга Анатолий Анохин. Кстати, что-то Митяю это имя не понравилось. Мне показалось, что откуда-то он его знает или знал. Но почему-то скулы ему свело, когда я имечко это назвал.

– Чего это? – Катерина подтолкнула Витьку в спину. – Садись уже, пожуй. И это... Помогал бы ты мне, что ли, по хозяйству, Виктор. Все одно мотаешься по поселку, как бродячий пес. Грязный весь, пьяный вечно.

– А ты... – Его морщинистая шея показалась из рваного воротника ватника, глаза слезливо сморщились. – Ты во мне нуждаешься, Катька?!

– Ну, как-то так выходит, что да, – нехотя признала она и тут же вспомнила бабкин наказ: не отказываться от людской помощи, если в такой нужда возникнет. – Но больно ты грязен и... Пьянки не потерплю, так и знай. Если и налью когда, то не просто так. Ну что, согласен?

От боли, сжавшей правую Витькину лопатку, хрустело в ушах. Он оглох то ли от счастья, то ли еще от чего-то непонятного, нахлынувшего так внезапно. Захотелось защитить не только эту кудрявую девчонку, вспомнившую, что он человек, но и, кажется, весь мир. Он увидел себя большим и сильным, а еще – благородным и значительным, каким никогда в своей жизни не был. А вот увидел, и сразу захотелось стать таким.

– Ну! Чего остолбенел? Не согласен на жизнь трезвую? – Катерина толкнула его в плечо.

Задвинула стул ему под коленки, толкнула, Витька послушно уселся. Она подала тарелку с макаронами и колбасой.

– Поешь сначала, потом ответишь, – пробормотала она и поставила на газовую плиту чайник.

Витькино замешательство ее смущало. Сейчас начнет, чего доброго, торговаться, на ребят, которых вчера оповестил, кивать. А ей помощи от ребят не нужно. Слишком высоки будут ставки, на таковые она не согласна. К тому же поселить кого-то из них в пристройке к дому, как Витьку, она не сможет. Они на расстоянии, не распуская рук, ухитрялись к ней липнуть. Что будет, если поселятся здесь?

Нет, Витька был идеален на роль дуэньи. Только бы не запил! А запьет – она его выставит.

– Я согласен, Катерина.

Он разом смахнул макароны с тарелки, колбасу почти не тронул, объяснив, что это не еда, а закуска. А раз он теперь не пьет, то и закусывать не станет.

– С чего начинать? – Он встал из-за стола, оглядел себя, опустив голову, и пожаловался: – Вот переодеться не во что, Кать. Не пристало мне в такой чистоте, да с такой, как ты, рядом, во всем этом. В баню-то я схожу, а вот штаны...

– Я сейчас.

Она пошла в бабкину кладовку, в которой та хранила вещи водителей, забытые или оставленные просто за ненадобностью. Выбрала спортивный костюм черного цвета, болоньевую куртку, темную, как ночь. Нашлись носки с этикеткой, новая майка.

– Трусы купишь, – сунула она ему три сотни и предупредила, пытливо взглянув в заматавшиеся глаза Витьки: – Это для тебя испытание. Не выдержишь – близко к воротам не подпущу.

– Что это... – Он маетно листал три сотенные купюры, вздыхал, глядел на нее с мольбой. – Что это за трусы-то такие дорогие? Три сотни! Это же сколько...

– Пива можно купить? – закончила она за него и ощутимо шлепнула в лоб. – Все на выпивку пересчитываешь! Трусы-то тебе не одни нужны, дубина. Купи, на сколько денег хватит. И не дай бог... Учую вонь спиртную – выгоню!

Самым страшным для него оказалось не выбрать себе трусы в магазине у железки, какие тут проблемы, а пройти мимо винного отдела и не обернуться. Потом снова пройти мимо, зная, что в кармане сдачи осталось на полтораху пива. Потом пройти мимо местных любителей выпить, зависших на магазинном крыльце с чекушкой. Потом вернуться к Катке в дом и забыть про водку в холодильнике.

К вечеру он выдохся настолько, что разговаривать едва мог. Вылил последние ведра с грязной водой – Катка вымыла гостевые спальни до блеска, постелила свежее постельное белье и повесила на окна шторы. Он ополоснул ведра водой из лужи, отнес в сарай, где тоже полдня разбирался. «Без мужика, конечно, дом – сирота», – сделал вывод Витька ближе к вечеру. Василиса, когда была жива, мужскую силу пользовала по полной программе. А вот Катка быстро сдала ее позиции. И результат? Крыша в сарае течет; дверь на одной петле, того гляди, отвалится. В коридоре в доме из бревен повылезали шляпки гвоздей, он сегодня вбивать их замучился. Хлопотал, одним словом, как мог. Хлопотал и старался. Оценит, нет?

Витька вошел в кухню, где накрывался стол на четыре персоны к хорошему ужину. Сглотнул слюну, увидав три стопки. Себе Катка не поставила. А три кому?

– Ухажеры явиться обещали, – пояснила она и ткнула пальцем в его штаны. – Для дома я тебе еще одежду нашла. В комнату тебе отнесла, в шкаф повесила. Рубашки еще и свитер.

Витька ее не слушал, продолжая таращиться на стопки.

Вот как оно, да?! Им, значит, накрыла, а его персону обошла? Конечно! Кто он?! Он подмастерье, он...

– Я с вами сидеть не стану за столом, – вдруг поняла его обиду Катерина. – Поужинаете вчетвером. Поужинаете, поговорите, а я послушаю. Интересны мне их соображения. А твои особенно, Витя. Трезвые! Если ты об этом.

Катка постучала пальчиком по одной из стопок, снова напомнила, что для него сухой закон под крышей ее дома. Если его что-то не устраивает, он может прямо сейчас откланяться.

– А за работу заплачу.

И Катка мазнула по нему взглядом, точь-в-точь как у ее злющей бабки. Вот порода! Никуда от нее не деться.

– Не надо мне, – буркнул он, прислушиваясь к ощущениям, бурлившим внутри.

Их было много, и все – противоречивые. И обидно было, и маетно, что его стопки лишили. А с другой стороны, гордость брала, ведь за одним столом сидеть станет с приличными парнями. Говорить будет с ними. И говорить на равных. Тут уж Митяй не посмеет его взащей вытолкать. И орать не посмеет. И опять же его мнение тут не последним будет. Катерина совершенно точно сказала, что его мнение ей интереснее других.

– Не подведешь? – Катка обошла его со спины и встала там божьим наказанием.

– Нет, – уже тверже ответил Витька, не оборачиваясь, и почесал бок.

После бани, в которой он проторчал сегодня полтора часа, да в чистой одежде тело вело себя непривычно и неприлично, сделавшись каким-то слабым и уязвимым. Он даже сквозняки сегодня все чувствовал, чудеса божьи! Будто вместе с грязью с себя слой кожи снял. Еще пару дней назад мог в сугроб упасть и полчаса в нем продремать, пока кто-нибудь не

растолкает. А сейчас вон лопатками Катькино дыхание чует. Дышит она точно Змей Горыныч. Вылитая бабка, царствие ей небесное! Сказала – отрезала. И не возразишь, и не ослушаешься. Странно, что при таком норове эти трое свой пылкий интерес к ней не утратили. С чем, интересно, пожалуют? С предложениями руки и сердца или еще что-нибудь придумают?

Ребята пришли одновременно. Дверь им открывать не пришлось, дорогу все знали. Вошли в кухню, оглядели стол одобрительно. Витьку рассматривали с недоумением. Катерину чуть не изглодали взглядами.

Она и правда хороша была. Высокая, статная, в джинсах и кофточке небесно-синей, очень подходившей к ее глазищам. Волосы подобрала. На запястье шнурочки какие-то с погремушками, и на шее такие же. Красиво. Ей шло. Делало ее какой-то дикой, первобытной. Да еще босая по полу шлепала, ну правда, как какая-то дикарка. Эти трое глаза перетрудили, то на ступни ее босые, то на коленки, то на локти, то еще куда таращатся. Витька даже разозлился.

– Хватит глазеть, – решил он взять инициативу в свои руки, поскольку Катька равнодушно молчала, встав у окна и сложив руки на груди. – Садитесь к столу, говорить будем.

Митька дернулся, будто его ударили. «Надо же, – полыхали его глаза, – какой-то алкаш команды раздает, да еще и хозяином здесь себя чувствует!» Лешка тоже занервничал, тонкие крылья его острого носа затрепетали, как крылья бабочки, а левая коленка задергалась. Один Макар остался безучастным. Смотрел лениво, с прищуром. Услышав предложение, едва заметно дернул плечами, хлопнул в ладоши, одобрительно крякнул и уселся на стул. За ним Лешка, Митька сел после них. Потом уж и Виктор приземлился напротив. Так получилось, что мужики сидели по одну сторону стола, он – по другую, а за спиной его стояла Катька, так и не проронившая ни слова.

Парни выпили, захрустели капустой, огурцами. Лешка все сыр таскал с тарелки. «Почти весь сожрал», – неодобрительно покосился в его сторону Виктор. Сам он за мгновение опустошил тарелку с картошкой и грибами, обойдя хрустящую закуску стороной. Пить не будет, нечего и баловаться. Только желание подогреть.

– Итак, парни, как вам всем известно, у Катерины проблемы.

Витька взял пустую грязную тарелку в руки, обернулся вопросительно на Катьку. Она и бровью не повела. Он крякнул и тарелку сунул на подоконник между цветочными горшками.

– И проблемы могут оказаться куда большими, чем она представляет? – снова заговорил он, быстро восстанавливая растроченные за пьяные годы учительские навыки.

– Это мы уже поняли, – нервно дернул шеей Митька, расстегнул две пуговицы на джинсовой рубашке, обнажая загорелую крепкую грудь с массивным крестом на толстой цепочке. – Поэтому и пришли... Не понял я одного, почему ты-то тут?! Кто тут ты-то?! А?!

Лехин острый подбородок тут же заходил вверх-вниз, соглашался он таким образом, засранец.

Макар молчал, загадочно ухмыляясь и катая по столу пустую стопку из-под водки.

– Я? Я тут это...

Витька не знал, что говорить, снова обернулся на Катьку, но она стояла статуей. Не смотрела вообще ни на кого. Просто стояла, сунув ладони под мышки, и глядела куда-то в пустоту. Или в угол кухонный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.